

ПЯТАЯ САЛЛИ

18+

ДЭНИЕЛ

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ.
ОТ СОЗДАТЕЛЯ БИЛЛИ МИЛЛИГАНА
И ЧАРЛИ ГОРДОНА.

КИЗ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР·ЧИТАЕТ ВСЬ МИР

Интеллектуальный бестселлер

Дэниел Киз
Пятая Салли

«ЭКСМО»

1981

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Киз Д.

Пятая Салли / Д. Киз — «Эксмо», 1981 — (Интеллектуальный бестселлер)

ISBN 978-5-699-91739-6

«Пятая Салли», написанная за два года до знаменитой «Таинственной истории Билли Миллигана», рассказывает историю Салли Портер – официантки из нью-йоркского ресторана. На первый взгляд это обычная, ничем не примечательная женщина. Но, неведомые для Салли, в ней скрываются еще четыре женщины. Нола – холодная интеллектуалка-художница, Дерри – неунывающая сорвиголова, Белла – сексуально озабоченная несостоявшаяся актриса и певица и, наконец, Джинкс – переполненная злобой и ненавистью потенциальная убийца. Перед психиатром Роджером Эшем стоит непростая задача: посредством слияния четырех разных личностей создать «пятую Салли».

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-91739-6

© Киз Д., 1981

© Эксмо, 1981

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	23
Глава 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Дэниел Киз

Пятая Салли

© Фокина Ю., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

*Посвящается моим дочерям, Хиллари и Лесли, и моей жене, Аурее,
поддерживающим меня во всех начинаниях.*

Автор изучил множество случаев психического расстройства, описанного в настоящей книге, и пришел к выводу, что это расстройство вызывают схожие события, пережитые пациентом в раннем детстве.

Автор просит учесть: хотя исследования в данной области создали базу для его произведения, история является чистым вымыслом.

Читателю не следует искать аналогий с реальными лицами и событиями.

Часть первая

Глава 1

Привет, я Дерри. Так вышло, что мне поручено писать обо всех этих событиях, потому что только я одна в курсе, что случилось со всеми нами, и вообще, должен же кто-то вести записи, а то в нашей истории черт ногу сломит.

Сразу говорю: это была не моя затея. Не мне взбрело выйти из дому в тот апрельский вечер. Я бы в жизни не полезла на улицу в такую мокрятину. Просто Нола начиталась, как всегда, греческих трагедий и от них окончательно раскисла. Принялась вспоминать детство, как она отдыхала на пляже, и захотела снова увидеть океан. Подземкой добралась с Манхэттена до Кони-Айленда, оттуда пошла пешком. На улицах, конечно, никогошеньки, все успели распределиться по барам, казино и прочим заведениям. Между Нептун-авеню и Мермейд-авеню Ноле попадались одни бомжи, да и тех было три с половиной человека: копошатся на асфальте, жмутся к парадным дверям. Ноле, понятно, от их газетных козырьков только тошнее сделалось. Стало казаться, будто само время застыло, ждет летнюю веселую толпу. А пока лето не наступило, пока апрельская морось долбит мозг, Кони-Айленд, конечно, самое что ни на есть заброшенное, тусклое место на Земле.

Тут, правда, Нола вспомнила про один бар, «У Натана»; он круглый год открыт. Этаким оазис в сырой и зябкой пустыне. Туда-то она и направилась. В самом баре народу не было, но на террасе, под маркизой, несколько человек согревались кофейком из пластиковых чашечек, жареной картошкой ну и, конечно, «самыми знаменитыми в мире хот-догами» – куда ж без них? Не будь я на диете, тоже заказала бы сочный хот-дог, да с горчичкой, да с капусткой квашеной. Потому что в дождливый вечер самое милое дело – впитаться зубами в хот-дожье сочное тело. А Нола не соблазнилась. Ей хотелось поскорее к океану. Она постояла, глянула на часы, зафиксировала в памяти время. 10.45.

Но вот кого Нола не зафиксировала, так это троих парней в драных джинсах и клепанных куртках. Парни по очереди отхлебывали из бутылки, и было им довольно скучно. А тут Нола появляется в луче света, топает по аллее, и все мысли у нее – о пляжном сезоне двадцатилетней давности, как она строила песчаные замки, а потом лезла в воду, обмыться.

И вот Нола ступает на дощатый настил, и в ноздри ей бьет запах мокрого песка. Она сразу же скидывает туфли, дальше идет босиком, песок пальцы щекочет. Я-то знаю: на досуге Нола тешится мыслью погибнуть в море. Желательно – не в простом, а в гомеровском, в «винноцветном»¹. К нему-то Нола и топает, а оно – просто черное под дождем в темноте. Нола сорвала пластиковую шляпу от дождя, швырнула на песок. Песок, заметьте, был совсем не гомеровский, а загаженный. Загаженный, заплеванный, усеянный использованными презервативами. Их волны выбросили, будто не хлам, а послания из иного времени. Нола сбилась с мысли о высоком, стала думать про презервативы. Потом она принялась думать, а почему она думает про презервативы, будучи девственницей, которая собралась оборвать нить своей жизни? И не оставить ли ей тоже какое-нибудь послание, не сообщить ли всем, что расщепленная жизнь ее замучила и что утонуть лучше, чем вены себе порезать?

От таких мыслей у Нолы заболела голова. Захотелось раздеться донага, и она сорвала блузку, сорвала юбку, подставила тело дождю. Прибой зазывно мурлыкал, Нола шагала по пустынному пляжу, расшвыривая одежду. Ноги перестали вязнуть, потому что она вступила

¹ *Винноцветное море* – эпитет Н.И. Гнедича, переводчика «Иллиады». В оригинале использовано слово «οἶνος», что буквально значит «подобное вину». *Здесь и далее примеч. пер.*

в полосу прибоя, где песок плотный, и вскоре почувствовала пятками жирную грязь мягкой текстуры. Вода пузырилась между пальцев, отступая, тащила за собой и грязь. Образовывались маленькие канальчики. Нола взглянула на часы с подсветкой. Зафиксировала время.

11.23.

Вода была теплее, чем воздух, ноги согрелись, а все остальное, наоборот, заоченело. Наверное, думала Нола, Сократ, когда выпил цикуту, почувствовал прямо противоположное – у него ноги начали наливаться каменным холодом.

А голова между тем болела. Тоже, нашла время!.. Боль зарождалась в шее, Нола ей сопротивлялась. Кто-то внутри вопил «нет», «нет», «нет»; кто-то сражался с Нолой.

Теплая вода омыла ей колени, затем – бедра. Нола сделала еще несколько шагов вперед. Помедлила, позволив океану трогать себя *там*. Скоро, очень скоро она будет в руках Божьих. Чем она хуже Афины, рожденной взрослой женщиной из Зевсовой головы? Ласки океана стали интенсивнее. Нола вздрогнула и сделала еще шаг. Обнаружила занятную вещь: когда смотришь смерти в глаза, центром вселенной становится твой собственный пупок.

Каково это – дышать соленой водой? А вдруг Нола на самом деле – русалка; вдруг она не утонет, но очутится в подводном царстве, обретет рыбий хвост и сможет плавать во владениях Посейдона вместе с капитаном Немо и?.. Эх, так и не удосужилась дочитать «Моби Дика»! Вдруг не дочитывать книги – это грех и Нола обречена торчать в чистилище, томясь от незнания, чем все завершится? Или ей уготована другая кара – до скончания времен барахтаться среди бесчисленных страниц, запутываться в саргассах недочитанных историй?

Океан нежно пощипывал губами ее соски. Будто инкуб, подумала Нола. Зашла в воду по шею. Стало тепло, захотелось спать. Нола медленно погружалась.

На берегу кто-то надрывался:

– Вон она! В воде! Хватай ее!

Нола оглянулась. К ней по пляжу бежали трое.

– Не трогайте меня! – крикнула Нола.

Трое попрыгали в воду. Нола нырнула, попыталась дышать водой. Голова закружилась, и Нола вынырнула, отплевываясь и сморкаясь. Ее схватили за волосы, за руки, поволокли на берег. Она кашляла, хрипела, умоляла: «Господи, дай мне умереть! Ну пожалуйста!»

Нола думала, сейчас ей сделают искусственное дыхание. Только этого не хватало! Она попыталась подняться на ноги. Но «спасители» затащили Нолу под деревянный настил, и один из них растянул ширинку. Другой, тот, что удерживал правую руку Нолы, возмутился:

– Сначала я!

– Фигу, – отрезал тот, что растянул ширинку. – Я ее первый увидел. Твоя очередь – после меня. А ты третьим будешь.

– А чего это как я, так третьим?

Нола поняла: ее спасли вовсе не из человеколюбия.

– Не надо! – выдохнула она. – Пожалуйста, отпустите меня!

Третий ослабился.

– Ты все равно себя рыбам скормить собиралась. Давай мы с тобой малость развлечемся, а потом, так и быть, бросим тебя обратно в воду. Лады? Хороший трах даже перед смертью не повредит.

– Вот-вот, – подхватил второй. – Успеешь еще утонуть.

Мигрень никуда не делась. Наоборот, усилилась. Нола не желала поддаваться. Ей случилось выкарабкиваться из всяких переплетов. Выкарабкается она и сейчас. Эти трое не блещут интеллектом – она легко их проведет.

Второй и третий растянули ей руки и ноги, первый собирался приступить к делу.

– Ребята, зачем заниматься сексом на песке? Здесь холодно и мокро. А я живу недалеко. Пойдемте ко мне, – заговорила Нола. – Выпьем вина. У меня есть отличный сыр. Чеддер. Настоящий, выдержанный. Можно музыку включить...

Первый впился губами ей в губы. От него разлило перегаром. Нола принялась извиваться под ним.

– Вроде как с аллигатором борешься, да? – предположил третий.

– Надо было нам дожидаться, пока она захлебнется, – пожалел второй.

– Помогите! – кричала Нола. – Люди! Кто-нибудь!

На этом слове она вырубилась.

Джинкс мигом поняла, что происходит. Она – мокрая и голая, распята парой гопников, третий гопник, без штанов, лежит сверху.

– Какого черта! Кто меня сюда притащил?

– Полежи спокойно хоть полминуты, – со смехом сказал бесштаный. – Вот увидишь, тебе самой понравится.

– Ах ты сукин сын! Отвали, урод!

Джинкс извивалась, дергалась влево и вправо. Ей удалось резко повернуть голову и вцепиться зубами в руку третьего. Челюсти щелкнули, точно капкан. Третий взвыл и разжал пальцы, Джинкс освобожденной рукой схватила первого за яйца и стиснула, вонзив ногти в плоть. Тот выгнул от боли спину и потерял сознание.

Второй от изумления сам отпустил ее и теперь пытался, будто краб. Джинкс, еще лежа, швырнула ему в глаза горсть песка, вскочила и набросилась на него.

Она его царапала и пинала, потом вцепилась зубами ему в плечо, ощутила вкус крови. Он вырвался и побежал. Третий за это время успел смыться. Первый еще валялся без сознания. Джинкс ударила его кулаком в лицо, расквасив нос, и стала озираться в поисках острой щепки, а лучше – консервной банки. Она кастрирует этого мерзавца, он сдохнет от болевого шока, и чайки насытятся его гнилым мясом.

Послышался шорох автомобильных шин. Сквозь щели между досками настила мелькали красные «габаритки», мигалка распространяла синий свет. Копы! Только их тут не хватало! Меньше всего Джинкс улыбалось сейчас проследовать с копами в участок, проторчать там до утра, отвечая на дебилские вопросы: «Вы их спровоцировали, не так ли?», «Вы сами позволили им взять вас?», «Что вы делали в такое время на пляже, да еще голая?», «Вы просили у них денег, да?», «Вам уже случалось иметь сексуальные контакты с незнакомцами?».

Джинкс подавила желание дожидаться, пока копы выйдут из машины, самой запрыгнуть на водительское сиденье, рвануть с пляжа и пуститься по темным улицам. Нет, сейчас лучше затаиться. Что обидно, так всегда и бывает. Кто-то лезет на рожон, впутывается в историю, из которой заведомо не сможет выпутаться, а Джинкс вынуждена все улаживать. Над ней раздались шаги, заплясали пятна фонариков. Вот копам и занятие до конца смены – устанавливать личность незадачливого насильника.

* * *

Салли очнулась в больнице Кони-Айленда. Что было ночью, она не помнила. Ей с материнской нежностью улыбалась тучная медсестра. Но Салли давно усвоила: после «провала» нельзя говорить минимум до тех пор, пока не выяснишь, который сейчас час и какое нынче число. Может, ничего особенного не случилось; незачем людям знать про ее «особенности». Салли быстро нашла глазами стенные часы. 9.53.

Медсестра смотрела выжидательно. Вот сейчас пациентка спросит: «Где я?» или «Что случилось?». Но Салли помалкивала. На бейджике прочла фамилию медсестры: Ванелли.

– Вы понимаете, где находитесь? – наконец не выдержала Ванелли. Улыбка у нее была точно сладкой патокой нарисованная, а неожиданный фальцет резанул Салли по ушам.

Салли нахмурилась.

– Что тут непонятного?

– Вас чуть не изнасиловали, но сами вы, судя по всему, лично расправились с насильниками. Вы, наверное, еще переживаете это происшествие.

– Ну да, конечно. Переживаю.

– Вы помните подробности?

– Почему бы мне их не помнить? – Салли стиснула под одеялом кулаки. Страх и гнев она тоже давно научилась прятать.

– Потому что полиция обнаружила вас в глубоком обмороке.

Салли отвела взгляд. Слава богу!

– Раз так, вряд ли я могу что-нибудь помнить, верно? Человек в обмороке ничего не помнит. Это нормально.

– Я должна записать ваши данные, – произнесла Ванелли, вынимая ручку из кармана и открывая блокнот на чистой странице. – Ваше имя? Ваш адрес?

– Салли Портер, Западная шестьдесят шестая улица, 628.

Брови медсестры взлетели. Она явно хотела спросить, что делала Салли так далеко от дома, под настилом на Кони-Айленде. Однако Ванелли снова улыбнулась и задала совсем другой вопрос:

– У вас есть близкие? Муж? Родители?

– Я год назад развелась. Бывший муж назначен опекуном моих детей. Они близнецы, им по десять лет. Родителей нет.

– Место работы?

– Я не работаю. Временно. Как раз собиралась устроиться на работу.

– Медицинская страховка у вас есть?

Салли покачала головой.

– Пришлите мне счет. Я заплачу. Получаю от мужа алименты.

– Врач сказал, вы в порядке. Можете собираться домой.

Ванелли захлопнула блокнот и спрятала ручку обратно в карман.

– Мне нужна консультация, – сказала Салли. – У психиатра. Или у психолога? Я их путаю.

– Психиатр – это врач, – принялась объяснять медсестра. Брови у нее снова взлетели. – Зачем вам консультация?

Салли вздохнула, откинувшись на подушке.

– Я три раза пыталась покончить с собой. Три раза – за один месяц! Что-то заставляет меня делать... всякие вещи. Пожалуйста, помогите мне, пока я не рехнулась.

Ванелли снова раскрыла блокнот, не спеша достала ручку, щелкнула стержнем, что-то черкнула и не произнесла, а проскрежетала:

– В таком случае я запишу вас на прием к нашему психиатрическому социальному работнику.

Полчаса спустя Ванелли вернулась с креслом-каталкой, усадила Салли и вместе с ней поднялась на лифте на пятый этаж. Дальше путь лежал длинным коридором, в конце которого и находился искомый кабинет. На табличке значилось «Миссис Берчуэлл».

– Оставляю Салли с вами, – сказала Ванелли и положила на стол медкарту. – Салли Портер находилась в отделении неотложной помощи.

Миссис Берчуэлл на вид было лет шестьдесят. Миниатюрная, точно птичка, в очках-ромбах, с подсиненными седыми волосами, миссис Берчуэлл произвела на Салли странное впечатление: казалось, она упорхнет, если услышит что-нибудь шокирующее.

– Для начала расскажите о себе. Сколько вам лет? – спросила миссис Берчуэлл.

– Двадцать девять. Я разведена. Образование – средняя школа. Двое детей – близнецы, мальчик и девочка. Опекуном назначен их отец, мой бывший муж.

Салли столько раз повторяла эти слова, что теперь они казались ей записью на автоответчике. Вот сейчас миссис Берчуэлл поинтересуется, почему опекунство над детьми отдано отцу, а не матери.

– Мне нужна помощь, – сказала Салли. – Мне нужно поговорить с кем-нибудь. Про то, что я чувствую.

Миссис Берчуэлл взглянула на первую запись в медкарте и нахмурилась.

– Прежде чем мы начнем, Салли, вы должны понять: суицид – не решение проблем. У меня есть специальный документ. Распишитесь вот здесь. Это значит, что вы обещаете не пытаться свести счеты с жизнью в период работы со мной или с другим врачом, которого я вам порекомендую.

– Я не могу это подписать.

– Почему?

– Вдруг я не сдержу обещания? По-моему, я не контролирую... не все контролирую, что со мной происходит.

Миссис Берчуэлл отложила карандаш и уставилась Салли в глаза.

– Поясните, пожалуйста.

Салли стиснула руки.

– Я знаю, это глупо звучит... то есть не глупо, а будто я чокнутая. Просто мне кажется, что во мне что-то сидит. Что-то или кто-то делает разные вещи, а потом я получаюсь виновата.

Миссис Берчуэлл откинулась на спинку стула, постучала карандашом по столешнице, снова подалась вперед и черкнула пару слов в блокноте. Затем вырвала эту страницу и вручила Салли.

– Здесь фамилия и адрес психиатра, который работает в Мидтаунской клинике психического здоровья. Это на Манхэттене. Также у него частная практика. Правда, он не берет пациентов, склонных к суициду, но вашим случаем, возможно, заинтересуется, поскольку вы говорите о чувствах, вам неподконтрольных.

Салли прочла запись: «Роджер Эш, доктор медицины».

– Думаете, я сумасшедшая?

– Я этого не говорила. Ваш случай – специфический, он требует особых знаний, которых у меня нет. Вам нужен врач другой квалификации.

Салли кивнула.

– Я позвоню доктору Эшу и расскажу ему про ваш случай. Но сначала вы все-таки подпишете антисуицидальный контракт, – сказала миссис Берчуэлл.

Салли взяла ручку и медленно вывела: «Салли Портер». Я не сдержалась – выскользнула и добавила свое имя: «Дерри Холл». Миссис Берчуэлл притворилась, будто ничего не заметила, однако глаза-то у нее округлились, чуть из орбит не выскочили. Она сразу же поднялась, и Салли поняла: миссис Берчуэлл таки упорхнула.

Салли вышла из больницы, два квартала прошагала пешком до станции «Брайтон-Бич Лайн». Всю дорогу она отчаянно пыталась вспомнить, как угодила в больницу, но, конечно, ничего у нее не получилось. Так и протрепыхалась до самого Манхэттена, чудом не сорвалась.

Еще через час она вышла на Семьдесят второй улице, села в автобус до Десятой авеню и оттуда до самого дома, то есть целых шесть кварталов, топала пешком. Уже почти стемнело, и Салли, крепко прижимая к боку сумочку, боязливо озиралась. Шаги сами собой ускорились, когда впереди замаячил дом из песчаника. Салли обрадовалась, увидев, что в ателье мистера Гринберга еще толкутся клиенты. Она всегда старалась вернуться домой прежде, чем мистер Гринберг закроется на ночь, даром что он щуплый и ледащий, и ему семьдесят пять стукнуло.

Салли почему-то чувствовала себя защищенной, если знала, что мистер Гринберг еще работает.

Она взбежала на третий этаж, внимательно осмотрела дверь на предмет взлома и отперла замок. В квартире проверила все четыре комнаты, заглянула в туалет, в шкафы, поискала под кроватью, подергала оконные шпингалеты. Убедившись, что посторонних в доме нет, заперла входную дверь на три замка, да еще и на задвижку и почти упала на кровать.

Завтра мне помогут, думала Салли. Психиатр уж, наверное, знает, что делать. Ему она все расскажет, все-все.

Вообще-то, у меня на завтра был запланирован шопинг. Но я решила пока не высываться. Меня разбирало любопытство. Честное слово, это поинтереснее триллера будет – послушать, как Салли станет говорить с психиатром, как объяснит наличие всех нас.

Глава 2

В кабинет доктора Эша на пересечении Пятьдесят седьмой улицы с Лексингтон-авеню Салли вошла в своем любимом платье с цветочным принтом. Длинные темные волосы она заплела в две косы и уложила короной (слизнула прическу у своей бабушки-польки с блеклого фото). Я бы лично надела белокурый парик.

В приемной она сидела, сложив руки на коленях. Так обычно ждут начала церковной службы. Наконец медсестра провела ее к доктору, и Салли испугалась, увидев, что он хорош собой. А я сразу запала на Роджера Эша. Типичный альфа-самец, полностью в моем вкусе. Чуть за сорок, стройный, мускулистый, подтянутый. В колледже наверняка играл в баскетбольной команде. Волосы темные, волнистые, вихор то и дело падает на глаза. Но особенно мне понравились брови. Тоже темные, густые, над переносицей почти сходятся. Этаким серьезный вид. Мне вообще по вкусу зрелые, состоявшиеся мужчины. Доктор Эш с первой минуты мог полностью рассчитывать на мое содействие.

Я изо всех сил старалась выбраться и поговорить с ним вместо Салли, но она постоянно терла себе шею сзади, там, где я своими поползновениями вызывала у нее мигрень. Вот же какая упрямая! Мучается, а позиций не сдает. А главное, сама-то все равно не смеет открыться перед Роджером. Что называется, ни себе, ни людям. По лицу Роджера Эша я понимала: Салли на него не производит ни малейшего впечатления. Он смотрел спокойно, с профессиональным вниманием. Взгляд темных, глубоко посаженных глаз не искрил. Так вообще-то на Салли смотрят практически все мужчины. Тусклая она, никого не может заинтересовать. Типичная моль. Я перестала нервничать, сказала себе: «Дерри, расслабься, пробьет и твой час. Салли сдастся, и ты выйдешь наружу, жди».

– Мне о вас рассказала миссис Берчуэлл, – сообщил Роджер Эш. – Я очень рад нашему знакомству, Салли. Можно называть вас просто Салли?

Отличный голос у Роджера Эша. Глубокий, интонации продуманные, как у диктора теле-новостей.

Салли кивнула и уставилась в пол – а я хотела смотреть Роджеру Эшу в глаза!

– Я вам помогу, Салли. Ну, не стесняйтесь, расскажите, что вас мучает.

Салли пожала плечами.

– Вас наверняка что-то мучает, Салли. Сестре Ванелли вы сообщили, что только за последний месяц трижды пытались свести счеты с жизнью. Кроме того, вы говорили о неких силах, заставляющих вас совершать разные поступки.

– Только не думайте, что я сумасшедшая.

– Я так не думаю. У меня нет для этого никаких оснований. Но если вам нужна моя помощь, вы должны рассказать о своих проблемах. Итак, что вас мучает?

– Провалы.

– Что вы имеете в виду?

Салли содрогнулась всем телом. Ей и не снилось раскрывать свой секрет кому бы то ни было. Однако сейчас ей в мозг кто-то вколачивал: «Доверься Роджеру Эшу. Пора все рассказать. Пора попросить помощи».

– Я понимаю, это странно, – начала Салли. – Просто, когда ко мне пристают... пристаю мужчины, или когда какая-то опасность, или мне нужно сделать что-то неприятное, начинает болеть голова, а потом я как бы просыпаюсь, глядь – а время уже прошло, и я в каком-то месте, а сначала-то я была в другом месте, ну и вот...

– А что вы сами об этом думаете? Как объясняете для себя такую странность?

– Когда я была маленькая, я думала, все люди такие. Потому что видишь – кто-то выходит из комнаты сердитый, а потом заходит – и уже улыбается. Или наоборот. Или сначала двое

друзят, и вдруг один злится на второго. Я думала, люди просто теряют сознание. Я думала, у них провалы, как у меня. Потом я поняла: у остальных провалов нету. А еще самоубийства. Я боюсь. Со мной что-то не в порядке, доктор. Я ничего не понимаю. Это ужас.

– Успокойтесь, Салли. Расскажите мне о вашем прошлом. Чем подробнее будете рассказывать, тем лучше.

Салли запаниковала. С ней всегда так, когда нужно говорить о себе самой. Она сделала пару глубоких вдохов и начала скороговоркой:

– Мне двадцать девять. Братьев и сестер нет. Разведена. Я вышла за Ларри через год после школы, только чтобы отчима больше не видеть. Мой родной отец – его зовут Оскар, он был почтальоном – исчез. Давно уже. Просто не вернулся домой. А через полгода Фред женился на моей матери. У меня никогда не было друзей. Даже в детстве.

Тут Салли остановилась перевести дух. Роджер Эш ей улыбнулся.

– Нам некуда спешить, Салли. Рассказывайте помедленнее. Ничего не упускайте. Расскажите о своей матери.

Салли потупилась.

– Если я сердилась или упрячилась, она меня била. Когда мы с Ларри поженились и я ушла из дома – мне было девятнадцать, – мать порезала вены. Я, как узнала, не поверила. Она же была католичкой. А Фред – баптист.

– А вы верите в бога, Салли?

– Я больше не хожу в церковь. Я запуталась в религии. И в другом тоже запуталась.

– Расскажите о своем бывшем муже.

– Ларри – продавец. Одежду продает. У него хорошо получается, потому что он врать умеет. А как он судье врал про меня! Будто я неделями дома не бывала. Будто я агрессивная и злая, будто я вынесла из дому пять тысяч долларов – наши сбережения, – помчалась в Атлантик-Сити и все проиграла в рулетку. Он врал, чтобы получить опеку. Судья поверил и отдал ему близнецов. А Ларри все мало. В прошлом месяце он опять пришел в суд и наговорил на меня – будто я ему по ночам названиваю и грожусь его убить, и детей тоже. Представляете? И будто я стриптизершей работаю в ночном клубе. Я и правда там работала, только не стриптизершей, а официанткой. В одежде! Причем не из-за денег. В смысле, я бы могла и на одни алименты жить. Просто мне надо чем-то заниматься. Но судья снова поверил Ларри, и вот теперь мне нельзя даже навещать близнецов!

Салли вдруг поняла, что на последней фразе повысила голос. Она тут же закрыла себе рот обеими руками.

– Ой. Простите. Простите, доктор.

– Все нормально, Салли. Нет ничего дурного в том, чтобы выражать свои эмоции.

– Я никогда не кричу.

– Вы и сейчас не кричали.

Салли заморгала.

– Правда? А мне казалось – кричала. В голове, понимаете?

– Что ж, – заговорил доктор Эш, – думаю, на сегодня историй о прошлом достаточно. Теперь я вижу, какую боль вызывают у вас воспоминания. Значит, будем углубляться в прошлое постепенно.

Если б только Салли меня выпустила, я бы Роджеру Эшу все-все рассказала. Вот ведь дуруха. Самой же легче было бы. Я снова попыталась высвободиться, однако Салли, оказываясь, не теряла бдительности. Наверное, уже мускулы себе на затылке накачала, так сопротивлялась. В общем, я сообразила: буду продолжать – с ней от напряжения судороги сделаются. Ладно, оставляю ее в покое. Все равно настанет и мое время. Рано или поздно доктор Роджер Эш столкнется со мной.

– Какая у меня болезнь, доктор?

– Нам еще предстоит поставить диагноз, Салли. Сегодня я предложу вам несколько тестов и осмотрю вас, а завтра приходите ко мне в клинику психического здоровья. Проведем интервью с помощью одного лекарства. Его еще называют сывороткой правды.

– Мне это не нужно. Я не лгунья.

– Разумеется, вы не лгунья. Дело совсем в другом. Оно расслабит вас и позволит нам с вами глубже проникнуть в ваши мысли и чувства. Мы ломаем барьеры, понимаете? Те самые барьеры, которые не дают найти причину ваших проблем.

– Я хочу стать нормальной, доктор. Я хочу жить так, чтоб не смотреть поминутно на часы, чтоб не бояться. Я теряю время. То пять минут, то час, то день. Куда оно девается? Вы не представляете, какой это кошмар, когда не знаешь, где была и что делала. Вы должны мне помочь, доктор.

– Я попытаюсь, Салли. Только вы обещайте, что не нарушите контракт. Тот самый контракт, который подписали с миссис Берчуэлл. – Он взял папку и покачал головой. – Наверняка миссис Берчуэлл сказала вам, что я, как правило, не беру пациентов, которые пытались покончить с собой. Я заинтересовался вашим случаем, узнав о провалах во времени и об ощущении внутреннего давления. У меня еще не было пациентов с такими расстройствами. Я хочу вам помочь. А вы должны обещать, что не причините себе вреда.

– Я попробую, – сквозь слезы вымучила Салли.

– Пробовать – недостаточно, – изрек Эш, прижимая папку к столу пальцем. – Я настаиваю на том, чтобы вы дали серьезное, настоящее обещание.

– Ладно. Я обещаю не вредить себе.

Эх, жаль, Салли не спросила, почему доктор Эш не берется за пациентов с суицидальными наклонностями. Что касается обещания, оно совершенно бесполезно. Это ведь не Салли хотела умереть, а Нола. Для себя я решила приглядывать за Нолой – по крайней мере, до тех пор, пока не пойму, что именно предпримет Роджер Эш.

* * *

Салли после приема здорово озадачилась, если не сказать перепугалась. Взяла такси, поехала прямо домой. Хотела уже дверь парадного открыть, но тут ей из окна ателье помахал мистер Гринберг – тщедушный, как засушенный сверчок, вдобавок ужасно сутулый. Из-за сутулости складывалось впечатление, что мистер Гринберг застыл в подобострастном поклоне.

Салли сначала подумала, что он машет кому-то другому. Однако мистер Гринберг доковылял до двери и окликнул ее:

– Мисс Портер, вы свою одежду забирать думаете, а? Я говорю, одежда ваша давно готова, так вы забирать-то ее думаете?

– Одежда? Готова? А я разве заказывала...

Салли пошла за мистером Гринбергом, но в дверях вздрогнула, заметив мужскую фигуру. Это оказался манекен в полицейской форме и при полной экипировке – тут и фуражка, и значок, и дубинка, и весь комплект.

Салли хихикнула.

– В первую секунду я подумала, что полицейский настоящий.

Гринберг по-птичьи повернул голову вбок и вверх (разогнуться он не мог).

– А, это мой Мерфи. Купил по случаю. Красавчик! Верно, мисс Портер? На ночь буду ставить его в витрину, чтоб хулиганье всякое отпугивать. Меня ведь, мисс Портер, уж четыре раза грабили. Я говорю, четыре раза грабили меня, костюмы готовые уносили. Что за жизнь пошла, мисс Портер!

– Какая же польза от манекена? – удивилась Салли.

Гринберг «листал» костюмы и платья на плечиках, брал некоторые из них и складывал на стол, приговаривая:

– От манекена, конечно, пользы никакой. Вся польза – от полицейской формы. Психологический эффект называется. Взглянет хулиган на моего Мерфи, сробеет и, даст бог, пойдет другое что-нибудь грабить.

– Почему вы называете его Мерфи?

Гринберг пожал плечами.

– Так он лучше поладит с другими копами, чем если назвать его Коэн. Я говорю, Мерфи лучше, чем Коэн.

И мистер Гринберг подвинул ворох одежды к Салли.

– Вот. С вас восемнадцать долларов девяносто восемь центов.

Салли увидела ярко-красное платье, черный мужской костюм-двойку, синее платье-футляр и пролепетала:

– Это не мое.

Гринберг вскинул брови.

– Как так? У меня и квитанции есть. Три штуки. На всех написано: «Портер, Западная шестьдесят шестая, 628».

Салли рассматривала квитанции, стараясь не выдать замешательства. Ей и раньше случалось обнаруживать в шкафу одежду, бог весть откуда там взявшуюся. По крайней мере, она не помнила, как покупала ту или иную вещь. И всегда имелись либо чеки из магазинов, либо отметки в кредитной карте. Но в ателье она ничего не заказывала. Впрочем, мистер Гринберг про ее провалы знать не должен.

– Поглядеть – этакая скромница, – продолжал Гринберг. – А кто заставил меня прямо на вас подшивать подол вот этого платья, красного? Нехорошо, мисс Портер, этак дразнить человека, который в дедушки вам годится. Я говорю, нехорошо, потому что в дедушки вам гоюсь. А уж синее платье вы заказывали в другом настроении, не игривом. Потому я и запомнил. И когда я костюмчик вот этот вам ушивал, вы себя пристойно вели. А вот что вы забыли в кармане. – Старик указал на миниатюрный пластиковый пакетик, пришпиленный к костюму. В нем поблескивала серебряная брошь в виде летучей рыбки. – Ваша брошка?

Он улыбнулся, щелкнув вставной челюстью.

– Если вам когда захочется, чтоб я на вас платье подшил, – я к вашим услугам. Исполню с превеликим удовольствием. Я говорю, с превеликим удовольствием исполню.

Салли ничего не помнила – ни про красное платье, ни про синее, ни про мужской костюм. Поспешно оплатив счет, она ринулась прочь из ателье, чуть не завалив бессловесного Мерфи, понеслась с вещами в свою квартиру. Салли была настолько выбита из колеи, что сунулась к двери на втором этаже, решив, что уже добежала до третьего. Увидев, что над дверью нет таблички с ее именем, она попятилась и почти взлетела на свой этаж.

Как обычно, она сначала проверила замок – нет ли следов от отмычки. Отперла тяжеленную металлическую дверь, шмыгнула в квартиру. Заперлась изнутри. Что делать с вещами, она не представляла. Сначала долго на них смотрела, надеясь пробудить память. Бесполезно. Тогда Салли повесила платья и костюм на плечики и задвинула поглубже в шкаф, чтоб глаза не мозолили. Скоро все объяснится – и как ее фамилия оказалась на квитанциях, и с какой потаскушкой спутал ее подслеповатый мистер Гринберг. Конечно, он просто обознался. Со стариками это бывает.

Салли разулась, аккуратно уложила туфли в пакет, аккуратно повесила платье на плечики, постирала колготки. Сунула в духовку «быстрый ужин» – запеканку с курятиной глубокой заморозки, а на десерт приговорила упаковку «Твинки»². После еды, даром что квартира

² Популярная марка готового десерта, бисквитные закрытые трубочки с ванильным кремом.

сияла чистотой, Салли протерла пыль и пропылесосила ковер в гостиной, а в спальне поменяла местами плюшевых зверей, занимавших полкровать.

Салли не понимала, почему в восемь вечера чувствует себя такой усталой. По утрам она просыпается совершенно разбитая и днем еле-еле тянет ляжку, будто ночь напролет вкалывала. Завтра она найдет работу. Нужно сделать над собой усилие, найти во что бы то ни стало. Одних алиментов на психиатра не хватит. Салли стала прикидывать, чем могла бы зарабатывать на жизнь, но разевалась. Ничего, подумает об этом утром. Она приняла душ и вымыла голову, затем выпила стакан теплого молока и легла в постель с детективным романом. Впрочем, сон сморил ее, едва чистая голова коснулась подушки.

Салли, в числе прочего, понятия не имела и о моих привычках. Я лично люблю полуночищать у телевизора. «Эй-би-си» всю неделю показывает фильмы с Хамфри Богартом, сегодня – «Африканская королева»³. Могу я такое пропустить? Нет, конечно. Едва Салли отключилась, я вышла, приготовила себе попкорн и устроилась в кресле – млеть от симпатяги Богарта и красотишки Кэтрин Хепберн. Обожаю старое кино.

Утром Салли проснулась в кресле перед телевизором. Запаниковала, естественно. Позвонила в справочную – узнать, какое нынче число; немного успокоилась, поняв, что день не потеряян.

Салли позавтракала кофе с кексом. Пора было приниматься за поиски работы. С чего начать, она не знала. Может, наняться управлять каким-нибудь автоматом, вроде того, последнего по времени, когда Салли день-деньской прищепывала к шуруповертам пластиковые рукоятки?

Лично мне такое занятие не улыбалось. Бубнить в голове Салли я давно перестала – заметила, что от этого она совсем дуреет со страху. Но я заметила и другое – если напряженно о чем-то думать, мысль передается Салли. И вот я сосредоточилась на объявлении, которое видела на днях, когда бегала трусой. «В ресторан «Дорога из желтого кирпича» требуется официантка». «В ресторан «Дорога из желтого кирпича» требуется официантка»... Из названия ресторана Салли уловила слово «желтый» и взялась листать «Желтые страницы». Ладно хоть с цветом промашки не вышло. Затем Салли стала методично обзванивать рестораны, начиная с буквы «А». Этак мы с ней до ночи провозимся. Я удвоила усилия, но лишь смутила Салли. Наконец я не выдержала и крикнула:

– Опытная официантка нужна в «Дороге из желтого кирпича»!!!

Салли от неожиданности выронила телефонную трубку и даже не сразу сообразила поднять ее с пола. Затем подняла, приложила к уху и несколько раз произнесла «алло», полагая, что насчет «Дороги» ей сообщили из телефона. В ответ послышались короткие гудки. Но в целом подействовало, потому что Салли быстро долистала до буквы «Д» и почти сразу заметила нужный ресторан – хвала Господу, владелец не пожалел денег на то, чтобы выделить название особо крупным шрифтом: «ДОРОГА ИЗ ЖЕЛТОГО КИРПИЧА». КАФЕ, РЕСТОРАН, КАЖДЫЙ ВЕЧЕР ЖИВАЯ МУЗЫКА И САМЫЕ ИЗЫСКАННЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ». Салли позвонила, трубку взял некто Тодд Крамер, назвался одним из партнеров и пригласил ее на собеседование.

Салли заглянула в платяной шкаф, прикидывая, что бы такое надеть. Я направляла ее выбор на коричневый брючный костюм Нолы или на мое синее платье. Но Салли напялила свои собственные юбку и жакет – шерстяные, в гусиную лапку, – и я сдалась. Честное слово, эта женщина безнадежна.

³ Американский фильм-драма 1951 года, снятый Джоном Хьюстоном по одноименному роману Сесила Скотта Форестера. В истории кинематографа считается классическим.

* * *

Над двойной стеклянной дверью нависал ярко-желтый козырек, Салли шагнула под него и по ковровой дорожке с принтом в виде желтых кирпичей проследовала вниз по ступеням, длинным коридором, мимо дверей с надписями «Жевуны» и «Жевуныи». Ковровая дорожка заканчивалась принтом в виде спирали перед баром «Изумрудный город», где жирный бармен протирает бокалы. Светильник горел только над дальним столом, за танцполом. Там играли в карты.

Обстановка была такая шикарная, что Салли совсем оробела.

– Кого ищем, леди? – поинтересовался бармен.

– У меня назначено. Собеседование. По поводу работы. С мистером Тоддом Крамером. Бармен махнул тряпкой в сторону освещенного стола.

– Крамер – там. Блондин.

– Может, лучше подождать, пока он доиграет?

Бармен рассматривал стакан на свет.

– Чтоб Крамер сам игру бросил? Не дождетесь.

Салли настолько боялась отвлекать Крамера, что хотела вовсе убраться, без собеседования. Но все-таки пересилила себя, крепче вцепилась в сумочку и направилась к столу. Каблуки гулко стучали по настилу танцпола, и Салли пошла на цыпочках.

Играющие подняли головы. Среди них выделялся блондин с высоким чистым лбом и такими яркими синими глазами, каких Салли в жизни не видывала. Изо рта у блондина лихо торчала зубочистка. Он походил на киношного картежника, из тех, что проникают на респектабельные речные суда и облапошивают недалеких богачей. Правда, джинсы и мятая джинсовая рубашка выбивались из образа.

– Вы – мистер Крамер? – пролепетала Салли.

Он поднял глаза над картами, безо всякого интереса оглядел Салли с головы до ног и вернулся к игре.

– Еще пять – мои, – заявил Крамер и сунул в рот сразу несколько зубочисток. Голос у него оказался мягким и низким, чего Салли никак не ожидала.

– Извините, что отвлекаю, – снова заговорила Салли. – Меня зовут Салли Портер. Я сегодня звонила насчет работы. Официанткой. Если вы заняты, я могу прийти попозже...

– Минуту подождите, – скомандовал Крамер. Подался вперед, оглядел стол, расплылся в улыбке. – Три десятки.

– Извини, Тодд, – произнес низенький человечек с тюленьим лицом. – Я малость недоглядел.

И с явным злорадством разворошил кучку зубочисток.

Крамер в ярости швырнул карты, с грохотом отодвинул стул, вскочил. Стул рухнул.

– Чертовы карты! – заорал Крамер. – Две последние игры не считаются! Как минимум две!

И он пошел прочь, на ходу выставив средний палец в адрес игроков. Салли затрусила следом.

– У них карты крапленые, – бурчал Крамер. – Как я сразу не понял!

Они с Салли дошли до бара, где Крамер указал ей на табурет и уселся сам. Салли, и без того перепуганная, теперь совсем растерялась. Уж конечно, она провалит собеседование. Я стала рваться наружу. Обычно Салли до последнего борется с мигренью, но тут она, как всегда перед собеседованием, была чуть жива от страха и сдалась моментально. Правда, успела взглянуть на часы. Старый трюк, помогающий понять, сколько времени длится провал. Салли выучилась фиксировать время, еще когда мы с ней были сопливыми девчонками.

15.45.

Ну наконец-то. Ваш выход, мисс Дерри Холл!

Хмурый Тодд Крамер глядел исподлобья, наклонив голову набок. Точно в такой же позе он изучал карты.

– Какие проблемы?

– Никаких, – весело отозвалась я. – Здесь нужна официантка, а проворнее и опытнее меня вам никого не найти. По крайней мере, среди кандидаток моложе тридцатника. Я – Злая Вестсайдская Ведьма, тот самый персонаж, которого не хватает вашему заведению.

Я поймала взгляд Крамера, закинула ногу на ногу, сверкнув бедром и улыбкой.

Он сглотнул.

– Ну вы и переключаетесь. То мышь белая, а то вдруг... Будто зажигалкой щелкнули.

– Я и есть зажигалка. Видите ли, я одно время работала фотомodelью. – Вранье, конечно. – Вот и научилась: пока на меня софит не направили – не выделяюсь. Зато уж потом... Кстати, у вас ведь и развлечения заявлены, да? Самые изысканные, так в рекламе сказано. Я, конечно, не Джуди Гарленд⁴, но под настроение могу спеть или станцевать. И я чертовски хороша в мини-юбке.

– Не сомневаюсь.

– Значит, я принята на испытательный срок?

Крамер снова меня оглядел этими своими синими, чуть затуманившимися глазами. Я его заинтересовала.

– Приходите к половине шестого, пообщаетесь с моим партнером. Его зовут Элиот. Если он согласится, вы приняты. В основном вы будете работать с ним. Потому что я в нашем тандеме – молчаливый партнер. У меня другие интересы.

– Например?

Крамер вскинул брови.

– Вам-то что за дело?

– Просто интересно. У меня пыливый ум.

– Что ж. В сезон скачек я до ночи торчу на ипподроме. А в остальное время – я здесь.

– Ой, я тоже обожаю рысаков. А что вы делаете на ипподроме? Для жокея вы крупноваты.

Он хохотнул.

– Один мой приятель занимается организацией особых мероприятий, например политических конференций, а также фандрайзинговыми проектами. Я разрабатываю для него рекламные трюки.

– Должно быть, неплохое развлечение.

– Вообще-то, это работа.

– А можно еще кое-что спросить? Не хочу показаться навязчивой. Просто мне любопытно.

Крамер кивнул.

– Сколько стоят эти зубочистки?

Крамер извлек зубочистку из кармана и сунул в рот.

– Сорок девять центов за коробочку. Мы покупаем их блоками.

– Я имела в виду – в игре. Вы ведь используете зубочистки вместо фишек, я правильно поняла? Так каковы ставки?

– Никаких ставок нет.

– То есть вообще никаких?

Крамер взглянул на меня как бы поверх очков. Которые у него отсутствовали.

⁴ Джуди Гарленд исполнила роль девочки Дороти в музыкальном фильме «Волшебник Страны Оз» (1939).

– Я больше не играю в карты на деньги, – пояснил он, мусоля зубочистку. – Только для развлечения. Чтобы скоротать время.

– Вы не обиделись, что я спросила?

Он покачал головой. Вид у него по-прежнему был озадаченный, словно он силился и не мог меня раскусить.

– Ждем вас в половине шестого, мисс Портер.

Я решила не выпускать Салли до собеседования с Элиотом, а то она все испортит. Работа у меня практически в кармане – значит, я заслужила пробежку по магазинам. Давненько я не покупала себе платьев. Вкусы Салли раздражали меня несказанно. Вот как она умудряется на добрых два года отставать от моды? В жизни не купит платье правильной длины. Когда ни вырвешься – непременно все вокруг косятся на эти ее отстойные костюмы. Надоело, в конце концов! Я пыталась ее просвещать. Вырезала из «Санди Таймс» несколько фоток с девушками в тренде и даже записку с дельными советами приложила. Но дуреха Салли, когда все это обнаружила, чуть с катушек не съехала.

После собеседования я пошла в «Блумингдейл» и купила подходящий прикид в синих тонах. Это я надену к Элиоту. Еле втиснулась в десятый размер⁵. Значит, на ужин обойдусь творогом. Из всех нас только я слежу за фигурой, остальные лопают что попало. Мне же приходится за всех отдуваться на пробежках.

* * *

Я вернулась в «Дорогу из желтого кирпича» к половине шестого, когда уже шли вечерние приготовления. В зале включили хрустальный светильник; он вращался, разбрасывая изумрудно-зеленые блики по полу, потолку и стенам. Официантки в зеленых, расшитых пайетками, топах на бретельках и в мини-юбках разносили столовые приборы.

В покере как раз был перерыв, Тодд Крамер складывал зубочистки в пластиковый пакетик.

– Элиот появится с минуты на минуту, – сообщил он. – Подождите у него в кабинете.

– Надеюсь, я ему понравлюсь.

– Конечно, понравится – вы ведь женщина. Не обиделись, нет?

Я хохотнула.

– Нисколько.

Крамер провел меня в кабинет, где стены были густо оклеены фотографиями. Почти на каждой какая-нибудь смазливенькая старлетка висела на шее у жирного седого дядьки в дорогом костюме в тонкую полоску, а надпись внизу сообщала, что это – «на память доброму другу Элиоту».

Через пять минут дверь отворилась, и вошел мужчина, лишь весьма отдаленно напоминавший толстяка с фотографий. Он был строен, как молодой тополь, и одет в коричневые брюки и шелковую синюю рубашку-поло, расстегнутую у ворота. На шее болтался массивный золотой медальон, на пальцах обеих рук посверкивали перстни с бриллиантами, а волосы были выкрашены в черный цвет.

– Элиот Нельсон, – представился мужчина и, заметив мое удивление, кивнул на фотографии. – Здорово изменился, да? Весь прошлый год сидел на жесткой диете, потерял больше сотни фунтов⁶. Теперь я – совсем другой человек. Неплохо выгляжу для сорока пяти, верно?

⁵ Соответствует российскому сорок четвертому размеру одежды.

⁶ Сто фунтов соответствует 45,36 кг.

Он расплылся в улыбке. Вокруг глаз собрались морщины, нижняя челюсть выдвинулась вперед. Мешки под глазами, двойной подбородок и дряблые щеки в сочетании с действительно стройной фигурой делали его похожим на дружелюбного бульдога.

– Вам больше двадцати пяти не дашь, – соврала я.

Не иначе, его постиг кризис среднего возраста. Надо же посочувствовать человеку. И вообще, уважаю людей, которые соблюдают диету.

– Значит, вы хотите работать официанткой, – перешел к делу Элиот. – Опыт имеется?

– Еще какой. Я обслуживала столики всюду – от забегаловок с недомытыми ложками до пафосных ресторанов. Последнее место работы – «Шальная двойка» в Ньюарке.

Элиот Нельсон кивнул.

– Ладно, возьму вас на испытательный срок. Можете начинать уже сегодня. Кажется, вы впечатлили Тодда. Вообще-то он на женщин не смотрит.

– Я не подведу, мистер Нельсон. Делаю свое дело быстро и ловко.

Он приобнял меня за талию.

– Ловко – это хорошо, а вот торопиться в некоторых случаях не нужно.

Я потрепала его по щеке.

– В смысле, ноги у меня быстрые, а руки ловкие. А еще я имею черный дан по карате.

Элиот со смехом поднял руки.

– Я пошутил. Может, как-нибудь устроим соревнования по кунг-фу. Пойдемте, я представлю вас Эви, нашей старшей официантке. Она вам форму выдаст и в курс дела введет.

Эви выдала мне зелено-желтую блестящую униформу и показала, где можно переодеться. Затем познакомила с другими официантками, поварами и подсобными рабочими и принялась «вводить в курс дела».

– Ничего сложного. Тут главное – отслеживать Элиота.

– В смысле?

– Он с тех пор, как похудел, ни одной юбки не пропускает. Ручонки у него больно уж шаловливые. Блондинки, брюнетки, толстые, худые, белые, цветные – нашему Элиоту все едино.

– Спасибо, учту.

Я хохотнула, а Эви нахмурилась.

– Небось, когда он тебя, деточка, в темном уголке зажмет, тебе не до смеха будет. У меня весь зад в синяках – так босс щиплется. Он трижды был женат, и только на моей памяти у него перебивало в любовницах семь наших официанток.

– А второй партнер такой же?

– Тодд? У него времени на женщин не хватает – все уходит на игру. По крайней мере, так было раньше. Но с некоторых пор он состоит в обществе анонимных игроков. Кто его знает – может, вектор энергии перенаправил.

– Я вам очень благодарна за информацию, Эви.

Как новенькой мне поручили самый дальний столик, и я могла наблюдать, как метрдотель приветствует и проводит на места клиентов. Эви записывала заказы, давала распоряжения бармену, затем шла за готовыми блюдами в кухню. Нетрудная работа.

Мой столик долго пустовал, но вот наконец явилась компания из шести человек – три немолодые и ворчливые семейные пары. Я сразу просекла: с ними придется проявить смекалку.

– Что будете пить?

– Водку с сухим мартини, – подмигнув мне, откликнулся один из мужчин – крупный, грузный, с мощной, как у футболиста, шеей. Наверняка в свое время занимался продажами подержанных автомобилей.

– Вычеркните, – распорядилась его «половина». – Только попробуй хоть один напиток заказать, Леонард, я сразу уйду, так и знай.

Леонард покорно кивнул и надулся с досады. Остальные не хотели пить – только есть. Но я по дороге на кухню шепнула бармену, чтоб налил в простой стакан мартини с водкой, без добавления традиционной оливки. Ловко увернувшись от Элиота, я подхватила стакан и заскользила к столу.

– Ой, что-то ваш стакан с водой какой-то мутноватый, – сказала я Леонарду. – Вот, держите чистый. – Заменяв воду на мартини с водкой, я подмигнула и добавила: – Бесплатно, сэр.

Когда я вернулась с морепродуктами и мраморной говядиной, Леонард подмигнул мне и сказал, вручая пустой стакан:

– А можно еще водички?

Плату за мартини с водкой ему удалось незаметно сунуть в мой карман, и вдобавок он оставил пять долларов чаевых. Я спросила, чем он занимается. Оказалось – держит рыбный магазин.

До конца смены я порхала по залу, лестила клиенткам, флиртowała с клиентами и получала удовольствие. Из всех занятий Салли больше всего мне по душе была работа официантки. Мне все равно, где обслуживать столики – в забегаловке или в шикарном ресторане, потому что я люблю наблюдать за людьми, угадывать, кто они по профессии, откуда родом, чем живут. Вдобавок всегда приятно обнаружить чаевые и по ним сделать вывод, насколько твоя работа понравилась клиентам.

А вот что я не люблю, так это уборку за клиентами и всякие нудные мелочи, вроде насыпать соли в солонку, протирать салфеткой бутылочки с кетчупом, перестилать скатерти и тому подобное. Поэтому я спрятала чаевые в бюстгальтер и исчезла. Пусть теперь Салли поработает.

Вышла слегка ошалевшая Салли. Последнее, что она помнила, – начало собеседования с Тоддом Крамером. Салли посмотрела на часы. Шесть часов пятнадцать минут куда-то делись. Сейчас десять вечера, Салли наряжена в зеленую блестящую униформу – топ с глубоким вырезом и неприлично короткую юбку. Ресторан почти опустел, на столах грязная посуда, на полу смятые салфетки, остальные официантки сидят на барных табуретах, болтая ногами и подсчитывая чаевые.

– Эй, крошка! Дай-ка мне еще скотча с содовой!

Салли увидела толстяка за столиком. Ее он зовет или кого другого? Салли поднялась на нетвердые ноги, но двинуться на зов не могла – мозг не контролировал тело.

– Что, устали?

Сказано было низким, бархатным голосом.

Перед Салли возникло сочувствующее лицо Тодда Крамера. Он, по обыкновению, жевал зубочистку.

– Так, пустяки. Голова болит. Я... я... – Тут Салли сообразила, что в руке у нее блокнот для записи заказов. – Я не помню, куда дела карандаш.

– Он у вас вместо шпильки.

Тодд Крамер извлек карандаш из прически Салли и дружески стиснул ей локоть.

– Вы были великолепны. Отлично справились. Я таких проворных официанток еще не видел. Кстати, вон тот субчик, похоже, добивается вашего внимания.

Салли сделала над собой усилие, двинулась к толстяку, размахивавшему пустым стаканом. Приняла заказ на скотч с содовой. Развернувшись, чтобы уйти, она почувствовала его лапу у себя на мягком месте и, взвизгнув, уронила стакан. Он разбился вдребезги, а Салли бросилась в туалет, где долго не могла успокоиться.

Видите теперь, в чем отличие между мной и Салли? Нет, ну правда, стоит ли так пугаться обычного заигрывания? Надо было отшутиться, пофлиртовать. Мужчины это любят. Толстяк бы зато чаевых отвалил. Подумаешь, задницу пощупал. Не укусил же. Пустяк, мелочь. Но только не для Салли. Когда мужчина ее груди касается мизинцем, она чуть не падает в обморок. И вот Салли торчит в туалете, убеждает себя не бежать очертя голову с новой работы.

Раньше она именно так и поступала. Ничего. Скоро доктор Эш все ей разъяснит. Он ей поможет. Салли будет без труда контролировать свой разум.

Она почувствовала некий дискомфорт, запустила пальцы в бюстгальтер и обнаружила целых сорок пять долларов чаевых. Значит, она действительно хорошо сегодня работала. Вопрос только: в чем заключалась ее работа? Тодд Крамер сказал, что не видел более проворных официанток. Наличие чаевых это подтверждает.

Из туалета Салли вышла, несколько успокоившись. И все равно от любой малости могла потерять контроль над собой. Например, она прямо подпрыгнула, когда Элиот поинтересовался ее самочувствием. Конечно, откуда ей знать, кто такой Элиот! Тем более что выглядел он как стареющий жиголо.

– Устала чуток, – осторожно ответила Салли.

Элиот улыбнулся.

– Ну так ступайте домой отдыхать. За вас кто-нибудь из девушек уберет. Первый рабочий вечер – всегда стресс. И не волнуйтесь, мы с Тоддом решили принять вас на работу.

Значит, этот человек – один из партнеров; значит, от него зависело, возьмут Салли или нет. Как она сразу не догадалась?

Промямлив «спасибо», она следом за двумя официантками прошла в комнату с табличкой «Только для персонала». Не увидев костюма в гусиную лапку, Салли изрядно струхнула. Она стала тянуть время, поправлять прическу и все такое. Дождалась, пока эти две девушки переоделись. Они ушли, но на вешалках оставались еще три комплекта одежды: зеленый брючный костюм, синее платье и красная юбка с желтым свитером. Салли скрылась в туалете. В кабинке она сидела до тех пор, пока еще две официантки не закончили переодеваться. Теперь на вешалке болталось одинокое синее платье. Салли его натянула. Тесновато. Она очень надеялась, что платье принадлежит ей. Иначе завтра придется объясняться, а как – непонятно.

На выходе ей подмигнул Элиот.

– Увидимся завтра вечером.

Салли кивнула. У нее не было ни малейшего желания возвращаться на эту работу. Люди, конечно, приятные, но очень уж атмосфера суматошная. По крайней мере, для нее.

Глава 3

На следующий день Салли отправилась в Клинику психического здоровья на пересечении Лексингтон-авеню с Пятьдесят второй улицей. Снаружи клиника выглядела как обычное офисное здание из стекла и бетона. Медсестра Мэгги Холстон, в которой тщедушность странно сочеталась с пухлыми, как у бурундука, щеками, провела Салли в смотровой кабинет и осталась разбирать бумажки.

– Сейчас я доступным языком расскажу вам, для чего нужно и как действует лекарство, которым мы собираемся воспользоваться, – начал доктор Эш. – Во-первых, это вещество поможет нам с вами, Салли, пробраться сквозь блоки в вашем сознании. Вы вспомните то, что давно забыли. Я применю к вам прием, который называется «внушенная, или гипнотическая, регрессия возрастов». Вы вернетесь в детство, вспомните определенных людей и определенные события – и глядишь, мы с вами до всего докопаемся. Выясним, откуда у ваших проблем растут ноги.

Салли испугалась, вся затряслась. Доктор Эш сделал ей укол и велел считать от ста до одного. Добравшись до восьмидесяти восьми, Салли начала путаться, а потом и бормотать что-то нечленораздельное, будто у нее был полон рот ватных шариков.

– Нет, нет, Салли, засыпать нельзя, – предупредил доктор Эш. – Вы должны бодрствовать. Сосредоточьтесь. Давайте вернемся в ваше детство. Когда я досчитаю до пяти, вы окажетесь в том времени, когда у вас еще не бывало провалов, когда вы помнили все, что с вами происходило. Вы откроете глаза – и перед вами появится как бы такой телеэкран. Вы словно будете смотреть фильм о другой девочке, не о вас самой. Рассказывайте мне обо всем, что увидите или услышите, а также обо всех запахах, которые почувствуете. Понятно?

Салли кивнула.

– Тогда начнем. Один-два-три... четыре... пять!

Салли распахнула глаза, уставилась на телеэкран в собственном мозге и стала рассказывать.

Она совсем маленькая девочка. Ее папу зовут Оскар, он сутулый, с тонкими усиками и сонными глазами. Папа работает почтальоном. Каждый день он берет Салли с собой. Салли сама вручает письма разным тетенькам, а тетеньки гладят ее по голове и хвалят за то, что она так хорошо помогает папе. Один раз Салли даже получила кусок яблочного пирога. Пирог был горячий, только-только из духовки. Салли уронила начинку себе на зеленое платьице, но папа ее совсем не ругал за это, словно и не заметил. Он вообще мало что замечал. Всегда улыбался, прикрыв глаза, будто спал и видел веселые сны. Под конец дня, когда все письма были розданы, папа сажал Салли в пустую сумку и мчался по улице, взбрыкивая, точно настоящий конь. Салли это ужасно нравилось. Она знала, что папа ее обожает. По вечерам она засыпала под папины сказки и была уверена, что папа достает их из своей волшебной, бездонной почтовой сумки. Но однажды – Салли было тогда четыре года – папа зашел в бар «Шэмрок», посадил Салли, прямо в сумке, на барную стойку. Салли очень испугалась, ведь уже два раза папа, выпив, просто забывал ее в баре. А еще он потерял Салли в цирке на Медисон-сквер-гарден, потому что перед этим пил из своей фляжки. А еще как-то сел без Салли в поезд. Она тогда бежала сквозь толпу, кричала и плакала. Ей схватил полицейский, и Салли завопила ему в лицо: «Мой папочка потерялся! Нужно найти папочку!»

А потом папа потерял целую сумку писем – и пропал сам. Мать сказала, он напился, упал в реку Гудзон и утонул. Салли не поверила. До сих пор, увидев почтальона в униформе и с сумкой, она бросается к нему. Потому что надеется увидеть под фуражкой усталое лицо с печальными и сонными глазами, с тонкими усиками, будто карандашом нарисованными, с

чудной улыбкой. Потому что папа не утонул. Он просто забыл где-то Салли, спохватился и теперь ищет, ищет ее повсюду.

– Очень хорошо, Салли. Отдохните. Видите, вы все отлично помните. А сейчас скажите мне, вы видите свою мать и отчима?

Канал в «телевизоре» переключился, и перед Салли возник домишко с одной-единственной комнатой. Салли принялась рассказывать. Вечер. В доме беспорядок. Возле большой двуспальной кровати стоит ее кровать. Большая кровать вся помята, покрывало скомкано. В дровяной печке потрескивает огонь. Мать шьет. Она растолстела и носит дома мешковатый халат. Ее темные волосы собраны в узел на затылке. По набрякшим векам видно: мать часто плачет. Слишком часто.

Салли на полу играет в куклы. Ее отчим, Фред Уант – он появился в доме совсем недавно, – выключает телевизор. Встает с плетеного кресла и говорит:

– Вивиан, убери девчонку.

Мать отвечает:

– Я устала, Фред. У меня голова болит...

Фред смотрит на нее, поворачивает козырьком назад бейсболку, которую носит всегда и везде, даже дома. Теперь на его лысой голове виден глубокий рваный шрам. Это Фреду досталось в пьяной драке.

– Я сказал, убери девчонку и ложись.

Мать роняет руки, вздыхает. Ее лицо, когда-то нежное и очень красивое, стало помятым, под глазами мешки, щеки обвисли. Лицо похоже на тесто, которое поднялось и снова опало.

Она сует шитье в рабочую корзинку, а Салли вместе с четырьмя куклами – в шкаф. Салли хнычет, потому что в шкафу темно, а она боится темноты.

«Экран» тоже темнеет. До Салли доносится скрежет – это мать приперла дверь шкафа стулом. Салли толкает изнутри, но дверь не поддается. Через несколько минут начинают скрипеть пружины, и Салли представляет, как мать с отчимом прыгают на кровати. Так вот почему ее заперли! Она сама любит прыгать на кровати, но ее за это ругают. Ей, значит, нельзя, а им можно! Наверное, это плохо, вот мать с отчимом и не хотят, чтобы Салли видела, как они занимаются тем самым, что запрещено ей.

Потом мать открывает шкаф, выпускает Салли. Отчим к тому времени уже спит. Храпит и булькает разинутым ртом. Видно, что у него выбиты передние зубы. Салли потихоньку забирается в свою кровать.

По лицу взрослой Салли текут слезы, когда она вспоминает, как однажды мать недостаточно плотно приперла стулом дверцу шкафа. Салли удалось приоткрыть дверь, и в щель она увидела: мать и отчим, оба голые, на кровати, в желтом свете ночника. Нет, они не прыгают. Мать стоит на коленях, лицом в подушку, а Фред пристроился сзади и дергается туда-сюда. Так собаки делают. Лицо у Фреда красное от напряжения, голова кажется слишком большой по сравнению с тощим телом. А еще Фред урчит.

А потом Фред отваливается, Салли видит штукловину, которую он запихивал в ее мать, и теряет сознание.

Рассказывая об этом, взрослая Салли плакала, переходила на крик, раскачивалась взад-вперед. Пот заливал ей глаза. Затем шею и глаза пронзила боль, и Салли прямо в кабинете врача постиг провал.

* * *

Белла открыла глаза и осмотрелась. Какого черта здесь происходит? Ее взгляд упал на Роджера, она восторгалась, облизнула губы и грудным голосом, подражая Мэй Уэст⁷, произнесла:

– Привет, красавчик...

Роджер Эш вскинул брови, хотел было ответить, но передумал. Бросил быстрый взгляд на Мэгги, чуть качнув головой, предупредил: спокойно, не подавайте виду. Мэгги застыла с открытым ртом.

Белла сообразила, что находится в кабинете врача, на столе. Она повернулась на бок, подперла щеку ладонью, огладила бедро и продолжала с интонациями Мэй Уэст:

– Не знаю, что со мной стряслось, док. Впрочем, надеюсь, вы не побрезгуете как-нибудь заглянуть ко мне в гости.

Ответа не последовало. Тогда Белла бросила притворяться и расхохоталась.

– У вас вид, будто пациентка коньки откинула прямо на столе и сразу же из мертвых воскресла. Я что, заразная?

Роджер взял себя в руки. Впрочем, голос плохо его слушался.

– Как ваше имя? Мне нужно для отчета.

– Какого еще отчета? Я ни перед кем не отчитываюсь. Не привыкла.

– Речь идет о медицинской карте.

– Ладно, так и быть. Меня зовут Белла. По-итальянски – «красавица». Правда, я итальянского не знаю, это мне объяснил на конкурсе дарований один продюсер, который очччень, ну просто очччень мной заинтересовался...

Роджер кивал, но я-то видела: ему большого труда стоит держать себя в руках.

– Сколько вам лет?

– Восемнадцать уже исполнилось, – хихикнула Белла.

– Вы знаете, где находитесь?

Белла обвела комнату глазами.

– Я лежу на столе, вы – в белом халате. Может, это павильон на киностудии. Может, здесь снимают эпизод «Главного госпиталя».

Белла сладко потянулась, закинула руки за голову и приняла крайне провокационную позу.

– Ради этой роли я готова на все. Я очень разносторонне одаренная.

– Здесь не кинопавильон, Белла. Я – врач. Я пытаюсь вам помочь.

Белла рассмеялась.

– Знаешь, красавчик, мне такое уже говорили.

– Это Мэгги Холстон, медсестра. А меня зовут Роджер Эш. Я – доктор медицины в области психиатрии.

Белла резко выпрямилась.

– Что?! Я не сумасшедшая! Не трогайте меня!

– Конечно, вы не сумасшедшая. У вас есть некоторые проблемы, но я помогу вам с ними справиться.

– Нет у меня никаких проблем.

– Имя Салли Портер что-нибудь для вас значит?

Белла закатила глаза.

– Черт! Так вот в чем дело!

⁷ Mae West (1893–1980) – актриса, драматург, сценарист, одна из самых скандальных звезд Голливуда своего времени.

- Стало быть, вы знаете Салли Портер.
- Лично не знаю, только слышала о ней.
- От кого же вы слышали о Салли Портер?
- От Дерри.
- Кто это – Дерри?
- Не знаю ее фамилии. Я видела одежду Салли Портер и читала ее письма. И вот что я вам скажу: такой зануды, тупицы и тусклячки, как Салли, еще на свет не рождалось.
- Почему вы так решили?
- Дерри говорит, Салли только и надо, что торчать целые дни дома с метелкой для пыли. Она думает об одном – как бы отсудить у мерзавца бывшего мужа своих близнецов. Никогда не ходит ни на танцы, ни в кино, ни в театр. Вообще никогда! Не пьет алкоголь, не курит травку. Короче, овош.
- Салли Портер – ваша родственница?
- Белла на миг задумалась.
- Вообще-то, я не в курсе.
- Как же тогда вы можете знать про ее чувства и желания? Вы с ней контактируете? Вы появляетесь с ней в одних и тех же местах?
- Это трудно объяснить, – начала Белла. – Вот представьте, что вам приспичило в туалет, а все кабинки заняты. Вы бегаєте по уборной, то к одной двери сунетесь, то к другой. Слышите, как там, в кабинках, возятся, отливают и облегчаются, а сами вынуждены терпеть... В общем, как я уже говорила, про Салли мне рассказывает Дерри.
- Получается, вы не знаете, что у Салли на уме?
- А у Салли есть ум?
- Вам известно о событиях, которые происходят, когда вы неактивны?
- Нет, я только догадываюсь. Например, в прошлом году, незадолго до развода, я обнаружила Салли на свадьбе. Я такого не ожидала – обычно развлекаюсь я, Салли из дому не выгатишь ни на какую вечеринку. Тем не менее в тот раз ее пригласили вместе с мужем, Ларри. Я активизировалась во время танца. Я танцевала с незнакомым парнем, он меня обжимал. Танцую, а сама чувствую: он уже готов, хоть сейчас в кровать прыгай. Тут-то я и сообразила, почему вообще оказалась в таком положении. Сказать вам, почему? Потому что Салли не умеет вести себя с мужчинами. Короче, я и тот парень – гость со стороны невесты – весь вечер танцевали. Кстати, невесту и жениха я видела первый раз в жизни. А парень был что надо. Решительный. Короче, мы пошли к нему в номер, он меня уложил, раздел и стал мне соски целовать. Больше я ничего не помню. Проснулась от шума дождя. Парня и след простыл. Потом уже я узнала от Дерри, что Ларри приревновал Салли, они крупно поругались. Думаю, это и стало последней каплей. Именно после злополучной свадьбы Ларри подал на развод.
- Вам известно о попытках суицида, предпринимавшихся Салли?
- Белла искренне удивилась.
- Что, серьезно? Она хотела покончить с собой?
- Так вы об этом не слышали?
- Мы с Дерри довольно давно не контактировали, так что я не в теме. Но Дерри, конечно, мне расскажет. Она любит потрепать языком, что есть, то есть. Вам бы надо с ней познакомиться. Она бы вам понравилась.
- Да, знакомство с Дерри действительно входит в мои планы. Сегодня уже поздно, полагаю, мы встретимся во время следующего сеанса. А вам, Белла, я очень благодарен.
- Обращайтесь, док. Всегда рада помочь симпатичному парню.
- Роджер Эш покосился на Мэгги, скроил смущенную улыбку.
- Спасибо. А теперь, Белла, закройте глаза. Вам пора вернуться туда, откуда вы пришли. Я буду считать до пяти, и на цифре «пять» Салли очнется. У нее будет хорошее самочувствие,

а из нашего разговора она запомнит ровно столько, сколько захочет запомнить. Салли, выбор за вами. Вы можете запомнить все, или часть, или ничего.

Действительно, на счет «пять» Салли открыла глаза, огляделась испуганно. Стоит ли говорить, что она ничегошеньки не помнила? Правда, она огорчилась. Гипноз у доктора Эша слишком напоминал ее провалы.

– Это невыносимо, – заныла Салли. – Я хочу жить как все люди. Хочу вечером ложиться спать и не бояться, что просплю сутки или двое. Я ведь все время боюсь. Я сумасшедшая, да?

– Ничего подобного, Салли. Сумасшествие – это совсем другое.

– А что же тогда со мной?

Эш с минуту помедлил, покосился на Мэгги, перевел взгляд на Салли, словно раздумывая, как лучше преподнести диагноз.

– Видите ли, Салли, то, что я сейчас скажу, довольно трудно принять...

– Пожалуйста, не скрывайте от меня ничего! – взмолилась Салли. – Мне кажется, весь мой мир разваливается на части.

– Пока я не уверен на сто процентов. В последнее время случаи, подобные вашему, встречаются все чаще. До сороковых годов психиатрия знала всего около ста пятидесяти человек, страдавших тем же расстройством, что и вы. Причем их состояния описывались как истерический невроз диссоциативного типа. Однако всего за четыре десятилетия количество таких пациентов возросло до нескольких тысяч, и нынче ваше заболевание принято называть диссоциативным расстройством.

Салли наморщила лоб.

– Ничего не понимаю. О чем вы говорите?

Доктор Эш снова помедлил перед тем, как продолжить объяснения.

– Вы смотрели фильм «Три лица Евы»?

Салли отрицательно покачала головой.

– Я в кино не хожу.

– Может быть, вы читали книгу Флоры Шрайбер «Сивилла»?

Салли снова покачала головой. Ее начала бить дрожь.

– Нет, не читала. Но я слышала про эту книгу. Почему вы спрашиваете?

– Что именно вы слышали о книге «Сивилла»?

– Там про женщину со множественной личностью... – Глаза у Салли округлились. – Вы намекаете, что у меня множественная личность?

– Я пока не уверен. Но есть основания считать, что в ваших проблемах хотя бы отчасти повинен именно синдром мультиличности.

Салли даже рот раскрыла. Что за чушь порет этот доктор! Додуматься же до такого! Впрочем, Салли решила не возражать Роджеру Эшу, а то еще возьмет да откажется от нее. А ей нужна помощь. Пока она не избавится от провалов, судья не позволит видеться с детьми, не говоря уже о том, чтобы забрать их у Ларри. Значит, надо быть осторожной. Ни в коем случае не нервировать доктора.

– У вас было много таких пациентов, как я?

– Вы – первая, Салли.

– Вы потому и согласились со мной возиться? Вы ведь не беретесь за тех, кто пытался покончить с собой.

– Если честно – да.

Салли не знала, хорошо это или плохо, что доктор Эш заинтересовался ее случаем; хорошо или плохо для нее, что прежде у него не было таких пациентов. Впрочем, какая разница? Она-то ведь не мультяшка. Главное – не спорить с Эшем. Пускай думает что угодно, лишь бы сохранял интерес к Салли. Будет интерес – будет и лечение. И результат.

– Скажите, Салли, потере сознания предшествуют какие-то особые симптомы?

– Да. Головная боль. А перед этим всегда такое странное чувство – холодок по спине. И еще мне кажется, будто воздух электричит.

Эш сделал пометку в блокноте.

– Очень похоже на ауру. Вы знаете, что такое аура? Это особое состояние, которое переживают больные эпилепсией непосредственно перед припадком.

Доктор Эш откинулся на стуле, постучал карандашом по столу и продолжал раздумчиво:

– Пока мы не нашли решение вашей проблемы, вам следует продолжать обычную жизнь. В смысле, вам совсем не нужен больничный режим. Возвращайтесь домой, делайте все как раньше – ходите на работу, по магазинам, на прогулки. Поиски решения могут занять некоторое время. С вами мы пока будем встречаться дважды в неделю – по понедельникам и пятницам, в десять утра. Потом, если понадобится, скорректируем расписание. Ну, до пятницы, Салли.

– Я вам верю, доктор. Вы мне обязательно поможете, что бы там у меня в голове ни происходило.

– Мы справимся, Салли. По крайней мере, попытаемся.

По дороге домой Салли представляла, каково это – быть множественной личностью, носить в себе группу совершенно разных людей. Представлять не получалось. Сама мысль об этом казалась безнадежно дурацкой.

Доктор Эш ошибается, твердила себе Салли. Ошибается. Ошибается. Но он будет ее лечить и, конечно, рано или поздно поймет истинную причину проблем. И тогда доктор Эш спасет Салли.

Городской автобус был переполнен. Салли почти висела на поручне. Сзади к ней пристроился какой-то прыщавый субъект и давай тереться. Из-за давки Салли с места сдвинуться не могла, а если ей удавалось чуть поменять положение, субъект делал то же самое. Салли сгорала от стыда, но не решалась предпринять что-нибудь эффективное. Субъект, чувствуя ее беспомощность, становился все наглее... И тут у Салли по позвоночнику прошелестел холодок – то самое, что Роджер Эш назвал аурой. За холодком последовала жестокая мигрень. Я-то уже знала, что сейчас произойдет. И даже не думала этому мешать.

Джинкс вылетела пулей. Для начала наступила парню на ногу. Затем обругала его словами, которые я не стану повторять. Наконец, лягнула в мошонку. Мерзавец взвыл, те пассажиры, что не висели на поручнях, а сидели со свободными руками, принялись аплодировать. На нашей остановке Джинкс скрылась, оставив слегка ошалевшую Салли. Автобус был уже почти пуст.

Водитель улыбнулся ей, когда она выходила.

– Вы молодчина, мисс. Славно проучили этого козла. В другой раз не посмеет.

Салли ничего не поняла, рот раскрыла.

Иногда мне ее жалко. Как бы у нее крыша не съехала, когда Роджер Эш докажет-таки, что Салли в теле не одна. Мы ведь будто жестянка с червями. Рано или поздно Роджер распутает этот наш клубок. Он умный, Роджер. Только что он станет делать потом? Надо же нас куда-то девать. Если Роджер нас всех прикончит, ему даже трупы прятать не придется. Не будет никаких трупов. Вот что я называю идеальным преступлением.

* * *

Неделя пролетела незаметно. Я трудилась в ресторане, чаевые текли рекой. Элиот не уставал мне удивляться. Пригласил на свидание, но я отвертелась. Потому что ждала пятничной встречи с Роджером.

У дверей кабинета Салли появилась ровно в десять.

– Сегодня мы займемся кое-чем новым, Салли, – сообщил Роджер. – Вместо сыворотки правды я вас загипнотизирую. Под гипнозом можно столь же успешно вспоминать детство. Вы согласны?

Салли кивнула.

– Тогда смотрите на мою золотую ручку. Сконцентрируйтесь вот на этом блике и слушайте меня внимательно. Скоро вас начнет клонить в сон.

Гипноз! Вот здорово! Раньше я такое только в фильмах видела. Честно говоря, мне не верилось, что сработает. Считается, загипнотизировать можно только умного человека, а наша Салли умом не блещет. Но она очень старалась не огорчить доктора, таращилась на золотой блик, а Роджер говорил тихим голосом, и вот Салли начала задремывать. Потом ее разум затуманился, как всегда перед засыпанием. Обычно в это время я и выхожу, но тут осталась внутри. Интересно же посмотреть, как будет действовать доктор Эш.

– Когда я досчитаю до трех, вы откроете глаза, однако останетесь под действием гипноза. Я буду задавать вам вопросы, вы сможете отвечать легко и свободно. До скольких я должен досчитать, Салли?

– До трех...

– Хорошо. Один...два... три... Скажите, Салли, вы знакомы с Беллой?

– В детстве у меня была кукла Белла.

– Расскажите о вашей кукле.

– Я с ней разговаривала, как с настоящей девочкой.

– Она вам отвечала?

Салли медлила. Потом прошептала:

– В школьном драмкружке ставили «Белоснежку и семь гномов». В этой сказке есть персонаж – Королева Белла. Колдунья. Я назвала куклу в ее честь. И потом моя кукла Белла стала со мной разговаривать.

– У других ваших кукол тоже были имена?

Салли кивнула.

Роджер помолчал. Салли мысленно твердила себе: не лезь с подробностями, подожди, пока он спросит.

– Когда вы начали давать куклам имена?

– Каждой – в свое время.

– Как звали ваших кукол?

– Одну звали Нола.

– А вторую?

– Дерри.

– А третью?

– Джинкс.

– Кто-нибудь, кроме вас, знал имена ваших кукол?

Салли покачала головой.

– Я никому не говорила. Это были мои подружки. Дерри – в честь Синдереллы. Понимаете? Син-дере-лла. Середина имени.

– Понимаю. Почему вы назвали куклу именно так?

– Синдереллой звали мою кошечку.

Роджер Эш ждал продолжения, не дождался и спросил:

– Что случилось с вашей кошечкой?

– Она потеряла первую жизнь, хотя мой отчим, Фред, сказал, что у каждой кошки девять жизней. Он меня обманул.

– Дерри была первой куклой, которой вы дали имя?

– Нет.

– В каком порядке вы давали куклам имена?
– Первой была Джинкс. Потом – Дерри. Потом – Белла. Последней была Нола.
– Салли, слушайте меня внимательно. Я хочу поговорить с самой первой. С Джинкс. Как вы думаете, она согласится?

Салли пожала плечами.

– Ну что ж. Когда я произнесу «Выходи на свет», вы снова погрузитесь в сон. Выйдет другая личность и станет говорить со мной. Когда я скажу «Возвращайся во мрак», эта личность вернется туда, откуда пришла. Какие слова я буду произносить?

– «Выходи на свет» и «возвращайся во мрак».

– Хорошо. Итак, Салли, я хочу поговорить с Джинкс. Я велю: Джинкс, *выходи на свет*.

Надо сказать, я такого не ожидала. Думала, сейчас он меня вызовет – после рассказа Беллы. Это было бы логично: вызывать – так уж по порядку. В любом случае время для разговоров с Джинкс он выбрал неподходящее. С ней ведь хлопот не оберешься. Роджер Эш про Джинкс ничего не знал и к встрече готов не был. Поэтому, когда он произнес «Джинкс, выходи на свет», я сама выскочила. Может, это и неправильно, да только Джинкс у нас буйная, а кому нужны проблемы?

– Привет, – сказала я. – Знаю, вы звали Джинкс, но я подумала, лучше сначала мне с вами встретиться, предупредить вас. Джинкс – опасная особа.

– А вы кто?

– Дерри.

– Как жизнь, Дерри?

– Не фонтан.

– В чем проблема?

– Раньше я без труда выбиралась, а теперь – с трудом. Поначалу я в разум Салли входила запросто, как рука в перчатку. Но с некоторых пор мне сократили время.

– Чего вы хотите, Дерри?

– Хочу стать настоящей. Хочу все время жить по-нормальному, а не от случая к случаю. Хочу на лыжах кататься, под парусом ходить. Летать хочу. С парашютом прыгать.

– Вы когда-нибудь пробовали эти виды спорта?

– Один раз попыталась покататься на лыжах. Это было в Вермонте. Салли потом не могла вспомнить, где и как умудрилась вывихнуть левую лодыжку. А сейчас я трусцой бегаю – вот и весь экстрим.

– Что вы думаете о Салли?

– По-моему, таких зануд, как она, еще поискать. Вы себе не представляете, как мы все с ней мучаемся. Она же целыми днями или сериалы смотрит, или квартиру прибирает. В понедельник пылесосит, во вторник у нее стирка, в среду – мытье окон, и так без конца. Потому что пыль неистребима, можно всю жизнь провести в бессмысленной борьбе. Мне такое не по нраву. Жить не так надо. Только и отрываюсь, когда клиентов в ресторане обслуживаю.

– Почему вы вышли ко мне вместо Джинкс?

– Потому что вас надо предупредить. Вы не представляете, сколько в Джинкс ненависти и злобы. Она умная; она хитрая; она изворотливая. Глазом моргнуть не успеете, как она вам горло перережет.

– Разве я сделал ей что-то плохое?

– Запомните, доктор: держите с ней ухо остро. Прежде чем разговаривать, проверьте, чтоб у нее не было с собой оружия.

– Джинкс совершила убийство?

– Пока нет. Ключевое слово – «пока». И знаете? Джинкс набирает силу. Для нее жизнь – вроде боевика. Крушить направо и налево – вот что ей по нраву. Например, она не прочь угнать машину и устроить охоту на прохожих. Типа, кто в стенку не вжался – я не виновата.

– Похоже, вы хорошо осведомлены насчет Салли и Джинкс. Кстати, Салли говорила мне, что вашим именем, Дерри, звали ее куклу. Не могли бы вы объяснить эту странность?

– Понимаете, доктор, какая штука, остальные знают только про себя, а я в курсе всех их мыслей и чувств. Я знаю, чем они все занимаются, когда выходят наружу, и чем занимается Салли, когда остальные прячутся. Даже когда сама сижу затаившись, я все вижу и слышу. Но никого из них я не контролирую. Каждая, стоит ей выбраться, начинает воротить что в голову взбредет, потому что каждая – отдельная личность. Я только наблюдатель. Со мной они все контактируют. Каждой я рассказываю про остальных. Только Салли не рассказываю. Салли меня не воспринимает. Даже не догадывается, что в ней скрываются разные женщины. Знает только, что у нее с головой проблемы.

– Как же вам удастся все видеть и слышать, когда вы сами скрыты?

– Когда я сама выхожу, я воспринимаю мир органами чувств, как все нормальные люди. Когда выходит Белла, Джинкс или Нола, я становлюсь маленькой-маленькой, такой, что умещаюсь в уголке сознания. Воспринимаю все, что происходит, но только чувствами соответствующей личности. Например, у Джинкс очень высокий болевой порог. Когда Джинкс на воле, точнее, когда она контролирует тело, я не боюсь ударов и всего такого. Нола – близорукая; если она без очков, передо мной тоже все предметы расплываются. Когда Белла танцует, я чувствую, как моя кровь пульсирует в такт музыке. Понимаете? Я смотрю на мир глазами разных людей. Образование у меня, можно сказать, никакое, зато я нахваталась знаний у остальных.

Роджер слушал внимательно, кивал и подергивал собственное ухо.

– Дерри, расскажите, пожалуйста, откуда вы все взяли?

– Мы всегда были, с тех пор как Салли дала имена куклам. Не знаю, при каких обстоятельствах это совершилось, но мы стали реальными людьми. Просто Салли не понимает. А теперь можно я вас спрошу?

Роджер Эш удивился, однако позволил.

– Вот вы взялись помогать Салли. Чтобы она вылечилась, мы должны умереть, да?

Роджер еще больше удивился. Стал объяснять, но как-то не слишком убедительно. Явно он о таком конце не думал.

– Ну что вы. Нет, конечно. Ни в коем случае. То есть речь идет не о смерти. Речь идет о... Нет, лучше так скажу. Сначала я заставлю Салли осознать, что вы существуете. Она должна принять вас – разумом, а затем и чувствами. Потом мы устроим что-то вроде общей конференции. Чтобы вы выработали... гм, концепцию, этаким план дальнейшего совместного существования. Наконец, с помощью гипноза я попытаюсь слить вас всех в один разум. Вы все станете одной личностью. Понимаете? Было пять личностей – будет одна, зато разносторонняя.

– Ужас!

– Почему?

– Я – это я! Вот вам бы понравилось, если б вас поймали, загнали в котел, где уже сидят четыре человека, и сказали: «Все о'кей, потерпите, скоро вы станете одной разносторонней личностью». И состряпали бы из вас из всех рагу.

– Все будет совсем не так, Дерри.

– Откуда вам знать? Вы сказали Салли, что раньше у вас таких пациентов не было.

– Это правда.

– Другие психиатры не слишком преуспели. Нола читала и «Сивиллу», и «Три лица Евы». Там доктора знаете, что делали? Уничтожали «лишних», вот что! Ну, или им казалось, что уничтожают. А еще Нола читала статью, а там написано: уничтожать личности бесполезно, потому что появляются новые.

– Именно поэтому я не собираюсь вас изолировать от Салли и тем более уничтожать. Раньше вы были одной личностью. Цельной личностью, Дерри. Так начиналась ваша жизнь.

Потом случился некий стресс, и сознание Салли расщепилось. Я всего лишь хочу сделать как было. Соединить то, что должно быть едино.

– Ага, конечно! А это слышали: «Вся королевская конница, вся королевская рать не может Шалтая, не может Болтая, Шалтая-Болтая, Болтая-Шалтая, Шалтая-Болтая собрать»?

Эш помрачнел. Обиделся на меня. Я извинилась и пообещала во всем ему помогать.

– В ваших же интересах, Дерри, сотрудничать с Салли, – заговорил Эш, отбивая такт пальцем по столу. – Помогите ей удержаться на работе. Ведь это благодаря вам ее вообще взяли, не так ли?

Я кивнула.

– Значит, следите, чтобы Салли сохранила работу. Ей нужно зарабатывать на жизнь, но главное – ей необходимо занятие, режим.

– А потом вы меня чик – и уберете, да?

– Все будет совсем иначе.

– Если кого и убирать, так это саму Салли.

– Почему вы так думаете?

– Потому что Салли про нас не знает, что делается – не представляет. А я все знаю. Понимаю, что каждая из нас думает и чувствует. Мне и карты в руки. Это только справедливо. Да и хлопот меньше.

– Видите ли, Дерри, все происходит не совсем так, как вам кажется. Я читал труды многих специалистов, и все они делают один и тот же вывод. Знаете какой? Пациент, как правило, создает «ответственного» – личность, знающую обо всех остальных и более или менее успешно регулирующую их активность. Вы, Дерри, и есть такой «ответственный», или «куратор». Медицинский термин, описывающий сосуществование разных личностей в одном теле, если вам интересно – «совместное сознание». Врачу желательно как можно скорее выйти на связь с куратором, узнать от него про остальных альтеров и заручиться поддержкой куратора. Важно помнить: куратор – всего-навсего альтер, но никак не настоящая личность.

Вот так новость – будто холодный душ! Я-то воображала: раз мне про остальных известно, раз я в их мозги проникаю, так я и есть настоящая, а Салли – самозванка!

– Куратор, говорите? Пожалуй, важная роль. Ладно, буду вам помогать, но только не задаром. Мы с вами заключим сделку, доктор.

– Ваши условия, Дерри?

– Велите Салли, чтоб сменила стиль жизни. Пускай сделает новую прическу, пускай купит нормальную одежду. И пускай перестанет лопать всякую жирную и сладкую дрянь, а то я бегаю, бегаю трусой, как Бобик, а толку ноль. Хочу наслаждаться жизнью, пока «курирую». Согласны, доктор?

– Я поговорю с Салли.

Он поерзал в кресле, и я догадалась: сейчас он меня отправит обратно во мрак. Так и вышло.

Потом он вернул Салли и «прописал» ей новый имидж и все такое, о чем я говорила. А еще сказал: отныне, мол, он будет ее гипнотизировать одной фразой – «Ему известно, что скрывает мрак». А две другие фразы – «выходи на свет» и «возвращайся во мрак» – он будет использовать, чтобы вызывать и задвигать разных альтеров. То есть нас.

– Но вам, Салли, надо реагировать на эти слова лишь в тех случаях, когда произносить их буду я. Больше никто не сможет с их помощью воздействовать на ваше сознание. Вы понимаете, Салли?

Она кивнула. Эш сказал:

– Когда я досчитаю до пяти, вы проснетесь бодрой и веселой. Вы запомните все, или часть, или ничего – по вашему выбору.

Салли, конечно, ничегошеньки не запомнила.

* * *

Выходные прошли тоскливо. Я все ждала, когда же Салли начнет меняться – ведь она обещала Роджеру! – но эта овечка двое суток проторчала в квартире, пугаясь собственной тени. В общем, я уже перестала надеяться, и вдруг – о чудо! – Элиот пригласил Салли на свидание. Не меня пригласил, не Беллу, а именно Салли. Тут, конечно, дурака сваял сам Элиот. Салли хотела сказать «нет», однако в голове у нее что-то щелкнуло, она вспомнила про обещание Роджеру, покраснела, как помидор, и согласилась.

– В среду вечером вы выходная, – говорит Элиот. – Буду ждать вас в баре «Лев и Корона». Выпьем для рывка, а потом поедem куда-нибудь еще и славно повеселимся.

Всю среду Салли места себе не находила. Потом свидание вылетело у нее из головы, и она взялась мыть окна. Намывает, щурится на солнечные блики, а сама пытается вспомнить, что же у нее такое на вечер запланировано. Куда-то вроде нужно пойти, с кем-то встретиться...

Я не выдержала, прижала ее палец к стеклу и написала этим пальцем: «Э-Л-И-О-Т». Салли вообразила, что сама это сделала. Тут-то у нее память и прояснилась: «Лев и Корона», свидание.

Она стала думать, в чем пойти. Подозрительно долго смотрела на свое клетчатое платье. Кажется, впервые осознала, до чего оно нелепое. Удивилась совершенно искренне: в магазине-то платье ей ужасно нравилось. И вдруг кажется совсем неподходящим – ни для Элиота, ни вообще. И уж конечно, Салли не поняла, почему перед ее мысленным взором вдруг возникло синее платье. Еще совсем недавно она испугалась бы такого импульса, ни за что бы ему не повиновалась. Но ей же доктор Эш сказал: не боритесь с импульсами, следуйте им, особенно если дело касается одежды. И вот Салли, чуть ли не кривясь (платье, по ее мнению, вульгарное!), таки тащит его из шкафа, натягивает не без труда и оправляет на бедрах. Хорошая, послушная девочка Салли! Впрочем, она очень надеется, что Элиот из этого платья соответствующих выводов не сделает.

* * *

Когда Салли – ровно в шесть – появилась в баре, народу было уже не протолкнуться. «Лев и Корона» стилизован под традиционный английский паб, с темными деревянными панелями и тяжеленными, грубыми столами и стульями. Элиот успел занять кабинку, помахал оттуда. Он вырядился в шелковую рубашку лавандового цвета (причем расстегнул ее чуть ли не до пупа), в лиловые брюки и белый пиджак. На шее красовалось ожерелье из акульих зубов.

– Что будете пить? – с махровым итало-бруклинским акцентом спросила официантка.

– Диетическую пепси, – пискнула Салли.

Элиот взял пинту горького пива.

Когда напитки принесли, Элиот, указывая на пепси-колу, заметил:

– Было время, я тоже этим давился. Вы же видели мои фото в кабинете; представляете, какой я был жиртрест.

Салли кивнула.

– Сейчас вас не узнать.

Элиот просиял.

– Знаете, есть такое выражение – в каждом толстяке скрыт стройняшка. Мается внутри, просится наружу. Сейчас перед вами как раз тот, настоящий. Я вырвался, понимаете? Пускай теперь толстяк вопит; пускай хоть лопнет с натуги. Назад ему ходу нет.

Салли поежилась. Неизвестно почему ей стало жутковато, даже рука задрожала, и лед клацнул о стенку стакана. Салли поставила стакан на стол.

– Наверняка вы теперь гораздо лучше себя чувствуете.

– Не то слово! – подхватил Элиот. – Не зря я в Швейцарию ездил лечиться. Один клиент наводку дал, вот я и поехал. Поглядел на него, какой он живчик, и думаю: все, хватит, я тоже так хочу! У швейцарских докторов свои секреты. Умеют омолаживать, этого не отнимешь. Диету для меня разработали, гландами занялись. Вы, например, знаете, что гланды напрямую связаны с лишним весом? Я почти десять штук баксов выложил, но оно того стоило. Мой врач, как меня нового увидел, чуть в обморок не грохнулся. Теперь, говорит, у вас, Элиот, организм тридцатилетнего.

При этих словах Элиот многозначительно заглянул Салли в глаза – дескать, не желаете ли проверить на деле?

– Очень хорошо, что вы заодно избавились от проблем со здоровьем, – проямлила Салли.

– Салли, вы уже несколько дней занимаете все мои мысли. Вы бесподобны. Я таких женщин еще не встречал. Вы таинственная; вы умеете быть разной. Я все время пытаюсь угадать, как вы поведете себя в следующий момент. И ничего не получается! Это здорово! То вы отстраненная, прохладная, и кажется – дотронься до вас – вы и разобьетесь, как хрустальная статуэтка. А через минуту вы – уверенная, дерзкая, смелая. Тогда, в первый вечер, вы просто мастер-класс для официанток устроили, честное слово. На заигрывания отвечали клиентам как опытная, искушенная женщина. А порой вы похожи на девочку, которая на улице потерялась. Удивительно, как в одном теле уживаются два разных человека. Понимаете, о чем я?

Салли сделала глоток пепси-колы, очень медленно отодвинула стакан и откинулась на стуле, прижавшись затылком к стене, обитой кожей.

– Нет, не понимаю, мистер Нельсон. У женщин бывают резкие смены настроения, только и всего. Я тоже такая...

Элиот покачал головой – дескать, рассказывайте!

– А по-моему, здесь дело глубже... Кстати, называйте меня просто Элиотом, пожалуйста.

– Слушайте, мистер Нельсон, не пойму, что вам от меня надо. Я согласилась с вами встретиться не для того, чтоб обсуждать мой характер. Вам пора бы знать, что женщины время от времени бывают раздражительными и нервными. Это нормально.

– Простите. Я не хотел вас обидеть.

– У меня голова болит. Очень сильно. Мне надо отлучиться. Сейчас вернусь.

Салли выскользнула из-за стола и неуверенной походкой направилась в туалет. Боль давила на лоб между глаз и на нижнюю часть затылка. На спине выступила испарина, и Салли зазнобило. В туалете она умылась холодной водой. Салли знала: если сейчас расслабиться, нырнуть в темноту разума – боль отступит. Но это будет очередной провал. Нельзя его допустить. Хватит в каждой ситуации, так или иначе связанной с «отношениями», прятаться за чужую спину. Салли должна смотреть своими глазами, принимать все вызовы, что бросает ей жизнь. Должна... она должна... о боже! Нет! Только не это...

Белла улыбнулась своему отражению.

Облизнула губы, осмотрела зубы. Ужас, до чего она тусклая! Белла стала рыться в сумочке. Она искала помаду, или блеск для губ, или, на худой конец, подводку для век. Ничегошеньки! Ладно хоть платье правильное, а то прямо хоть беги! Правда, платье не ее лично, но тоже вполне себе. Белла поправила бюстгальтер, приспустила платье на плечах, чтобы обнажить ключицы. Ей хотелось танцевать или смотреть какое-нибудь шоу. А лучше – и то и другое. Уж сегодня она развлечется на славу!

Захлопнув за собой туалетную дверь, Белла направилась прямо к выходу, причем мимо Элиота Нельсона.

– Салли, куда же вы? – воскликнул Элиот.

Белла обернулась, шагнула назад. Она в первый раз видит этого типа. Не первой молодости, конечно, но, судя по прикиду, готов пуститься во все тяжкие. Белла уселась к нему за столик и выдала:

– Привет. Клево выглядишь.

Незнакомец удивился.

– Что с вами, Салли? Вас несколько минут не было – и такая разительная перемена!

– Лучше зови меня Беллой. Меня так называют самые близкие люди.

– Беллой?

– Ну да. А тебя как называть?

Он растерянно огляделся, будто рассчитывал увидеть кого-то третьего.

– Как правило, друзья зовут меня Элиотом.

– А я смотрю, кольца-то обручального у тебя нету, Элиот.

Он хохотнул.

– Хвала господу, третья жена ушла пару лет назад. С тех пор я живу в свое удовольствие.

Беллины пальцы пробежались по лавандовому шелку.

– Удовольствие может быть разным, Элиот. Что-то мне подсказывает, что ты отлично танцуешь. А мне ужасно хочется потанцевать. Сто лет не танцевала. Ты диско любишь? А рок? Отлично! А не хочешь задать ритм?

– Вы... ты снова другая.

Белла улыбнулась и облизнула губы.

– В обольщении нужно разнообразие, милый.

– Помнишь, о чем мы говорили перед тем, как ты пошла попудрить носик?

Белла изобразила работу мысли.

– Смутно. Наверно, я задумалась о своем, о девичьем. Ладно, хватит разговоров. Мы же развлекаться пришли. В смысле, я не люблю заморачиваться сама и заморачивать других. Так хочешь танцевать, Элиот?

– В общем, да. Только я планировал сначала поужинать, а потом махнуть в кино...

– К черту кино. Я люблю живые представления. Хочется чем-нибудь настоящим заняться. Посмотреть шоу, потанцевать, потом выпить, потом... потом развлечься по-взрослому. Можно и наоборот – сначала развлечься по-взрослому, потом потанцевать, потом...

– Желание дамы – закон. Как насчет покушать?

– Покушать я всегда успею. А сейчас мне подавай музыку, огни, ритм. Я и забыла, когда в последний раз танцевала. Меня просто распирает.

– Тогда поехали в дансинг, детка. Мне вдруг тоже захотелось растряситься. Есть одно милое местечко. Я там завсегдатай.

Элиот заплатил за напитки, оба выскочили на улицу и стали ловить такси. Элиот распахнул перед Беллой дверцу, уселся с ней рядом и велел шоферу ехать в клуб «Черный кот».

– Поразительно, как ты переменилась.

Белла вдруг обняла его за шею, прижалась к нему и поцеловала в губы. Буквально присосалась, как пиявка.

– Ничего себе! – выдохнул Элиот, когда Белла, наконец, отпустила его. – Я думал, тебе танцевать хочется.

– Хочется.

– Ну и как я теперь буду танцевать, когда ты меня завела?

Белла хихикнула.

– Ой, прости. Я как-то не подумала.

Она накрыла ладонью его мошонку и вдруг стиснула.

– Ой!

– Тише, малыш! Ну-ка, успокаивайся! Ложись!

– Тебе легко говорить!

Элиот обнял Беллу, но она вывернулась.

– Ишь какой хитрый! Нет, сначала танцы, потом шоу, и только потом мы поедem к тебе и выпустим пар.

Она подалась к Элиоту, кончиком языка коснулась угла его губ.

– Прежде чем жалить, надо было погремушкой погреть, – посетовал Элиот.

Едва такси остановилось, Белла, не дожидаясь, пока Элиот расплатится, выскочила и взлетела на крыльцо. Она сразу поняла: заведение рассчитано на юнцов в активном поиске.

– Не пори горячку, Белла. Успеешь!

– А ты не копайся! Пошевеливайся, а то этак и ночь впустую пройдет.

Элиот расплатился с таксистом, задыхаясь, догнал Беллу.

– Не пройдет и не впустую. Не спеши. Я за тобой угнаться не могу. Время детское еще.

– Нет, я буду, буду спешить! Я уже не могу остановиться! Я завелась! – кричала Белла, перекрывая грохот музыки, вертясь на танцполе. – Жизнь проходит! Есть только «сейчас» и никакого «потом». Живи настоящим, как я!

– Ничего не слышу! – крикнул Элиот и задергался неумело и не в такт, словно заводная игрушка.

– Не суть! – отозвала Белла.

Музыка наполнила ее, но чем больше Белла танцевала, тем больше ей хотелось танцевать. Каждая клетка ее тела откликалась на звуки, на ритм. Звук поднимался по ногам к бедрам, массировал напрягшиеся соски. Белле хотелось сорвать одежду и танцевать обнаженной.

– Ты прекрасна, – сказал Элиот, когда Белла, наконец, села к нему за столик.

– Продолжай.

– Ты – самая восхитительная, непредсказуемая, необычная, привлекательная, сумасшедшая женщина из всех, кого я встречал. Второй такой нет.

– Тут ты прав, Элиот, – шепнула Белла.

– А еще ты – самая непонятная, самая загадочная, самая изменчивая, самая провоцирующая...

– Кто провоцирующий? Малышка Белла – провоцирующая?

– Я только одного боюсь.

– Чего ты боишься, милый?

– Боюсь, что ты снова переменишься. Пойдешь носик попудрить – и вернешься другой. Или, допустим, я моргну, а когда открою глаза – передо мной будет совсем не та женщина. А ведь я еще не успел толком обнять тебя, не успел...

– Все потому, что я – величайшая в мире актриса. А вот серьезных разговоров я не люблю. Я пришла развлекаться.

– Нет, мы должны это обсудить.

Белла поднялась из-за стола.

– Будешь продолжать в том же духе – уйду, так и знай. Я такая, какая есть. Не нравится – пожалуйста, никто тебя не держит. Начнешь выспрашивать, кто я да что я – все, прости-прощай. Ясно?

– Ах, Синдерелла, постой, не ускользай. Я не хотел тебя обидеть.

Белла снова уселась.

– Я тебе не Синдерелла. Никогда больше не называй меня этим именем. Я могу сыграть любую роль – только не эту.

– Не буду, не буду. Прости.

– Лучше расскажи о себе. Чем ты на жизнь зарабатываешь?

Элиот напрягся, и Белла мигом сообразила, что допустила ошибку. Она хотела сбежать, но Элиот стиснул ей кисть руки.

– Я – владелец ресторана, где ты работаешь, Белла. Точнее, совладелец. Один из партнеров. А ресторан называется «Дорога из желтого кирпича».

– Я в курсе, – заговорила Белла, стараясь сгладить впечатление. – Спросила, только чтобы подразнить тебя.

– В таком случае ты и правда величайшая в мире актриса.

– Об этом я всегда мечтала. Если б только мне выпал шанс, уж я показала бы им всем, как надо играть. Я бы состояние сделала на песнях и танцах.

– Не сомневаюсь.

– А еще я умею играть на сцене. По-настоящему. У меня была пара ролей – правда, не в бродвейских постановках и даже не во вне-бродвейских, но все-таки⁸. Меня хвалили. Мне хлопали.

– Послушай, Белла, почему бы тебе не выступить в нашем заведении? У нас тоже бывают шоу. Ты могла бы спеть, или станцевать, или еще что-нибудь сделать, на свой вкус.

– С удовольствием. Нет, честно. Это было бы здорово.

И Белла надолго приложила к его губам.

– Поедем, Белла?

– Куда?

– Ко мне домой. Или к тебе.

– Я хочу танцевать.

– Господи! Ты решила всю ночь здесь провести?

– Почему бы нет? Ночь – самое время для танцев. По утрам никто не танцует и днем тоже.

– У меня ноги гудят, – пожаловался Элиот. – Я хочу есть. И тебя.

– А я хочу танцевать.

Дальше она танцевала или одна, или с посторонними мужчинами. Все ее тело, до последней клеточки, подчинялось ритму. Оно и понятно: таким способом, отдаваясь музыке и танцу, Белла цеплялась за реальность. Ведь для нас, для альтеров, и правда существует только «здесь» и «сейчас». Белла была уверена: стоит ей остановиться – и все изменится. Это будет конец первого акта, занавес упадет прежде, чем она покажет зрителям все, на что способна. Эта мысль страшила ее. А потом Белла почувствовала боль в основании затылка. О, как отчаянно она пыталась побороть эту боль! Несправедливо! Это же чудовищно несправедливо! Белла только-только начала – а ее уже гонят обратно. Ей стало трудно дышать. Перед глазами все поплыло, и Белла грохнулась на пол.

* * *

Салли открыла глаза и закашлялась от резкого запаха. Ее приводили в чувство нашатырем.

Она огляделась.

– Где я? Что случилось?

– Вы упали на танцполе, – пояснил владелец клуба, закручивая крышечку пузырька с нашатырем. – Вам лучше? Может, врача вызвать?

– На танцполе? Я думала, что я... что я... В общем, я пошла в уборную, и там...

Владелец клуба переглянулся с Элиотом.

– Разве она ходила в уборную?

– Ходила, ходила, – подтвердил Элиот. – Ей стало дурно, вот она и пошла. Я отвезу ее домой. Не волнуйтесь.

⁸ Речь идет о так называемых вне-вне-бродвейских сценических площадках. Профессиональный театральный термин (англ. «off-off-Broadway») означает «сценические площадки в Нью-Йорке вместимостью менее 100 зрителей».

- Который час? – спросила Салли.
- Половина двенадцатого.
- Ужас! Элиот, отвезите меня домой, пожалуйста. Прошу вас! Поскорее!
- В такси Салли заметила, что Элиот смотрит на нее крайне подозрительно.
- Может, объяснишься?
- Я упала в обморок, только и всего.
- Нет, Белла, не только и не всего. Произошло что-то еще.
- Почему вы называете меня Беллой? Вы мне в пепси-колу чего-то подсыпали, да?
- Конечно, нет!
- Мы были в баре. Вы купили мне диетическую пепси-колу, я выпила – и очнулась на полу в клубе. Значит, мне в стакан налили чего-то не того.
- Послушай, Белла...
- Не называйте меня Беллой. Вы отлично знаете, что мое имя – Салли.
- Хорошо. Послушай, Салли, я пока не пойму, что с тобой такое происходит. Я за тобой наблюдал весь вечер. Тодд говорил правду. Ты просто как доктор Джекилл и мистер Хайд, только женского рода. То сидишь спокойно и отзываешься на имя «Салли», а потом идешь в уборную – и возвращаешься уже Беллой. Ты в курсе, что ты три часа без передышки протанцевала? Потом потеряла сознание. Очнулась – и ты снова Салли. Может, ты и величайшая в мире актриса, да только...
- Элиот, я не умею танцевать. Я вообще не танцую. Никогда.
- Он прямо глаза выпучил.
- Ты не танцуешь? Рассказывай! Я сам видел!
- Я неловкая. Не попадаю в такт. Двигаться не умею. Людей стесняюсь.
- А кто обещал выступить в «Дороге из желтого кирпича»? Скажешь, не ты? Кто грозился петь и плясать?
- Точно не я. Да я умру, если перед публикой окажусь.
- Элиот сник на кожаном сиденье.
- Если бы я все собственными глазами не видел... если бы собственными ушами не слышал... А знаешь, что самое интересное? Эти две женщины, которых я сегодня наблюдал, очень сильно отличаются от третьей женщины – от той, что у меня в заведении работает официанткой.
- Салли притихла. В груди шевелился противный холодок, на глаза наворачивались слезы.
- Салли, ты к психиатру обращалась? Тебе определенно нужна медицинская помощь.
- Она кивнула.
- Я потому и на работу пошла. Психиатр стоит дорого, алиментов не хватает...
- До самого дома Элиот молчал. У подъезда расплатился с таксистом, пошел вслед за Салли. Заметил в темной витрине манекен, остановился.
- Эй, Салли! Там коп!
- Не волнуйтесь. Это не живой человек. Это манекен в форме. Его зовут Мерфи.
- Что-что?
- Салли подвела Элиота ближе к витрине, где, подняв правую руку, а в левой сжимая дубинку, застыл безмолвный страж.
- Мистер Гринберг его на ночь выставляет. Вроде охранника. Потому что к нему в ателье уже четыре раза залезали воры. Выносили готовую одежду. И мистер Гринберг придумал – нарядил манекен. Надеется, воры в темноте примут его за настоящего копа.
- Это вряд ли, – заметил Элиот.
- Салли пожала плечами.

– Мистер Гринберг говорит, люди обычно не присматриваются. Тем более в темноте. Тем более хулиганы. Они будут реагировать на полицейскую форму и грабить другие магазины. Психологический эффект называется.

Элиот рассмеялся.

– А пожалуй, этот твой мистер Гринберг прав. Спокойного вам дежурства, офицер Мерфи!

Салли приблизилась к своей двери, села на ступени.

– Ты уверена, что тебе не нужна помощь? – уточнил Элиот, глядя на нее сверху вниз.

Салли чуть подвинулась – дескать, присаживайтесь.

– Мне сейчас не хочется домой. Давайте поговорим. Расскажите о себе, Элиот.

Он уселся рядом.

– О, это мой любимый конек. Что именно рассказать?

– Как вы с Тоддом стали партнерами? Как решили заняться ресторанным бизнесом?

Элиот улыбнулся, оперся локтем о верхнюю ступеньку.

– Ресторан принадлежал мне одному до середины семидесятых. Отец меня отправил в колледж. Хотел, чтобы я стал ветеринаром. Я честно отучился, у меня и диплом имеется. А потом выяснилось, что у меня аллергия на шерсть животных. – Элиот хлопнул себя по колену. – Но я ничуть не огорчился. Мне хотелось чего-нибудь захватывающего.

– Как вы это поняли?

– Просто пошел по дороге из желтого кирпича. А вела она с гор Западной Вирджинии.

– Я не понимаю.

– Желтыми кирпичами у мошенников принято называть разные заманушки для простаков. Якобы выгодные капиталовложения. По аналогии с золотыми слитками. Мой отец тоже был мошенником. Только вместо дутых золотых слитков он впаривал легковверным акции угольных шахт. Тот уголь содержит столько серы, что его только в аду и можно жечь. Обычные дома отапливать не годится. Для отца дорожка оборвалась в Нью-Йорке. Он разорился и загремел в тюрьму. Но прежде успел купить ресторан и записать на мое имя. Это и было мое наследство.

– А как Тодд стал вашим молчаливым партнером?

– В семидесятые, во время рецессии, мне приходилось туго. Помните, тогда еще действовало первое эмбарго на арабскую нефть? Я чуть не потерял бизнес. А Тодд как раз выиграл в покер крупную сумму. Вот и решил вложиться в мой ресторан. Потом ему перестало везти в карты. Невезение длилось полгода. В конце концов Тодд с игрой завязал. И все, что у него осталось – доля в «Дороге из желтого кирпича». Вам кажется, что для успешного партнерства у нас с Тоддом слишком большая разница в возрасте? Может, и так, да только мы подружились. По-настоящему.

– Это здорово.

Оба замолчали. Первым заговорил Элиот.

– Ну, Салли, теперь ваша очередь. Так что же действительно случилось нынче ночью, а? Салли, до того улыбавшаяся, помрачнела.

– Вы правда не помните, что происходило с тех пор, как вы пошли попудрить носик в баре, и до тех пор, как очнулись в дансинге?

Салли покачала головой.

– Правда. Полный провал.

– Имя «Белла» что-нибудь вам говорит?

Она уставилась на свои руки.

– Ко мне иногда так обращаются. Люди, которых я впервые вижу. Утверждают, что знакомы со мной, видели там-то и там-то. Наверное, по соседству живет женщина, похожая на меня. Бывают же двойники...

– Вернувшись из уборной, вы попросили меня называть вас Беллой.

– Не может быть.

– И вы вели себя как совершенно другая женщина. Вы были очень веселы, оживлены и – как бы это помягче сказать – настроены на романтическое продолжение вечера. Вы танцевали в прямом смысле до упаду. Целых три часа.

Салли долго смотрела на Элиота с сомнением, а потом вдруг заплакала.

– Нет, только не слезы! – взмолился Элиот. – Я не хотел вас обидеть. Просто должны же вы знать, что с вами происходило. По-моему, Салли, вам срочно нужно принимать меры. Обратитесь к врачу. Наверняка ваше расстройство – пустячное. Вас мигом вылечат. И вот еще что: у вас отныне есть друг. Звоните мне в любое время дня и ночи. А насчет работы не волнуйтесь. Если что, я вас прикрою.

– Спасибо, Элиот, – всхлипнула Салли. Вытерла слезы, улыбнулась. – Мне такие славные люди еще не встречались.

Элиот проводил Салли до двери квартиры, она протянула ему руку. Он эту руку пожал и пожелал ей спокойной ночи.

Переступив порог, Салли по привычке обошла все комнаты, убедилась, что в квартире никого нет. Потом уставилась в зеркало. Она боялась, что оттуда глянет чужое, незнакомое лицо.

– У тебя крыша едет, – сказала Салли самой себе.

Легла в постель и стала смотреть в потолок.

Салли уснула нескоро. Ей снилось, будто она танцует на пляже с Элиотом. Только это был не Элиот, а Мерфи, и не она, а манекен по имени Белла. Два манекена, Мерфи и Белла, танцевали на берегу океана, постепенно заходя в воду все глубже и глубже, пока волны не разделили их, пока они оба не захлебнулись.

Глава 4

Следующей ночью Салли снилось ровно то же самое. В пятницу она рассказала о своем сне доктору Эшу. Тот велел Салли лечь на кушетку и пуститься в спонтанные ассоциации на тему танцующих манекенов. Вот какой ассоциативный ряд получился у Салли: манекены... одежда... гладкая твердая поверхность... танец... расставание... обнаженное тело... смерть... Синдерелла...

На «Синдерелле» ее заклинило. Ассоциации иссякли.

– Давайте вернемся назад, – предложил Эш. – О чем вы думали, когда произнесли слово «расставание»?

– Ни о чем, – сказала Салли.

– Ваше подсознание пытается навести вас на некую мысль. Вы должны открыться. Вы должны стать реципиентом для этой мысли, иначе ваш мозг не сумеет помочь вам, Салли.

– Ничего не понимаю.

– Салли, я могу вас вылечить. Но только в вашей власти позволить мне это сделать, ибо мое лечение предполагает задействование вашей памяти. Вы блокируете разум от воспоминаний. Что ж, попробуем зайти с другого бока. Итак: о чем вы думали, когда произнесли имя «Синдерелла»?

– О смерти.

– Почему?

– Синдереллой звали мою кошечку. Она умерла.

– Отчего она умерла?

– Не помню. – При этих словах Салли заплакала. – Я столько всего не помню, ужас!

– О чем вы думали, когда произнесли слово «танец»?

Салли поерзала на кушетке и после долгой паузы сказала:

– Нет, я кое-что вспомнила про Синдереллу. Мне пришло на ум имя «Дерри». Дело в том, доктор, что я одну свою куклу назвала Дерри, потому что «Дерри» – это середина имени... Ой, кажется, я об этом уже рассказывала?

– Вы помните, как рассказывали мне об этом?

– Нет, не помню. Но мне кажется, что рассказывала. Было такое?

– Было. Под гипнозом вы рассказали про Дерри, но после ничего не помнили.

– Вот-вот! После провалов то же самое! Не помню, что говорила, что делала. Все так мутно...

Салли замолчала.

– Вы хотели рассказать про ассоциации со словом «танец».

– Разве?

– Именно так, – с улыбкой подтвердил доктор Эш. – Но вы отвлеклись, стали ассоциировать по касательной.

Салли снова поерзала. Кушетка, обитая дерматином, показалась ей слишком мягкой, готовой, подобно трясине, поглотить ее тело.

– Я не умею танцевать, – сказала Салли. – Никогда не умела. Я неуклюжая. Ритма не чувствую. Терпеть не могу танцы.

Доктор Эш кивнул. Салли передернуло от отвращения, потому что перед глазами у нее возник смутный образ молодой женщины с длинной гривой рыжих волос, и тут же всплыло имя «Белла».

– Позавчера я ходила на свидание с одним из моих боссов. С Элиотом. Он сказал, что я танцевала и называла себя другим именем.

– Как вы называли себя?

- Белла.
- Вы когда-нибудь называете себя Беллой?
- Конечно, нет! Правда, у меня была кукла Белла...
- Почему вы замолчали? Продолжайте.
- По-моему, я уже рассказывала про эту куклу.
- Эш кивнул.
- Верно. Вы назвали мне имена всех своих кукол.
- Под гипнозом?
- Да.
- Почему я ничего не помню?
- Воспоминания связаны с болью. Вы не помните, потому что не хотите помнить.
- Но ведь если я не буду помнить, я не поправлюсь?
- Постепенно вы примете свои воспоминания. Только не надо спешить.

Салли села на кушетке и спросила, глядя в пол:

– А я говорила вам, что эти куклы потом стали моими воображаемыми подружками? Что я с ними беседовала и делала вид, будто они мне отвечают?

– Вы упоминали про разговоры с Беллой.

– Друг с другом они не общались. Только со мной. А я про них никогда никому не рассказывала. Я организовала клуб, понимаете? Только я и мои воображаемые подружки. Клуб назывался «Тайная пятерка». Там были Дерри и Белла... и Нола. И еще одна – не помню имени – из-за нее всегда возникали проблемы. Я устраивала чаепития – понарошку. Представляла, как мои «девочки» пьют чай и едят печенье, длинненькое такое, называется «дамские пальчики». Я обсуждала с ними занятия в школе, мальчиков и разные важные вещи.

– Что случилось с вашими «девочками»?

– Не знаю.

– Когда вы в последний раз общались с ними?

– Кажется, клуб распался, когда я начала встречаться с Ларри.

– А точнее?

– Сразу после выпускного.

– Как именно вы распустили клуб?

Салли долго смотрела на Роджера Эша, недоумевая, почему вдруг доверила ему самую страшную свою тайну. Эш морщил лоб – явно сочувствовал.

– Я просто сказала девочкам, что они мне больше не нужны. А Дерри отвечает: нет, от нас так просто не отделаешься. Раз, говорит, ты нас придумала, мы не исчезнем. А Нола сказала, что у них тоже есть права.

– А вы что сделали?

– Я их всех выбросила из головы. Заняла голову другим.

Эш кивал: дескать, продолжайте.

– С тех пор провалы стали чаще. И длились дольше. Я не помнила, что делала целыми неделями. Потом мне говорили, что именно. Всякие вещи. Которые я никогда бы не стала делать...

– Например?

– Например, Элиот сказал, что я назвалась Беллой и танцевала до упаду. В прямом смысле до упаду...

– А сами вы что думаете по этому поводу?

– Я ничего не понимаю. Сначала я думала, что я – чокнутая, но вы говорите, что я вроде нормальная...

Эш покачал головой и повторил наставительно:

– Вы не чокнутая, не сумасшедшая, не психическая... Так принято называть людей, слишком оторвавшихся от реальности – настолько, что сама жизнь в обществе становится для них невозможной. Или так говорят о людях, представляющих опасность для себя и для других. О тех, кого необходимо лечить в специальных закрытых учреждениях, дабы избежать этой опасности.

– Ну а я тогда кто?

– До недавнего времени ваше расстройство называли неврозом. Однако сейчас уже ясно, что «невроз» – название слишком общее. Мы, психиатры, используем другой термин – диссоциативное расстройство личности. Сюда входят потеря памяти, психогенная fuga, сомнамбулизм, а также состояние, описанное совсем недавно – расщепленная личность.

Салли кивнула.

– Вот-вот – потеря памяти. Как раз про меня. Это лечится, доктор?

Роджер Эш поднялся, шагнул к столу.

– Конечно, лечится. Но при условии, что вы примете разумом свое расстройство. Это будет ваш первый шаг на пути к излечению. Вторым шагом станет эмоциональное принятие. Вы должны поверить, прочувствовать ваше состояние; вы должны точно представлять себе все. Лишь тогда я смогу вам помочь.

Салли сообщила: Роджер Эш пытается донести до нее некую мысль.

– Доктор, вы намекаете, что у меня не простая потеря памяти?

Он кивнул.

– Но у меня ведь не... не это, как его – расщепление?

Эш положил ладони ей на плечи.

– Салли, к сожалению, вы страдаете именно расщеплением личности. Ваши воображаемые подружки отделились, зажили каждая своей жизнью и стали так называемыми альтерами. Поэтому-то вам и приписывают поступки, которых вы не помните. Вы совершали их, находясь под контролем того или иного альтера.

Салли понурилась.

– Вон оно что. Теперь понятно. А я-то все голову ломаю, все ломаю...

На самом деле Салли думала: «Неправда. Не может быть». Все аргументы Эша, высказанные и те, что он только собирался привести, наталкивались на ее неверие.

– Нам с вами, Салли, предстоит серьезный труд. О расщеплении личности пока известно очень мало. Методы лечения толком не опробованы, каждый врач полагается в основном на интуицию. Главное – примите свое состояние. Тогда мы сумеем разработать стратегию. Тогда, возможно, я вас вылечу.

– Спасибо, доктор. Я буду вас слушаться.

– Увидимся на следующей неделе.

По дороге домой Салли думала: «Ага, разбежалась я деньги тратить! Он мне какой-то нелепый диагноз шьет. Расщепленная личность! Что за чушь! Должно быть другое объяснение – правдоподобное».

* * *

В ту ночь она долго ворочалась в постели и наконец решила: надо себя «учитать». В шкафу была пропасть книг (Салли не помнила, как их покупала). Например, «Критика чистого разума» Канта и «Поминки по Финнегану» Джойса. Перелистывая страницы, Салли моргала и жмурилась. Ничегошеньки не понятно. Раздосадованная, она бросила книги на пол. Как ее вообще угораздило купить эту заумь?

Салли раскрыла брошюру под названием «Новая женщина: равноправие сегодня». Ей попало на глаза имя «НОЛА», написанное уверенным почерком, печатными буквами на пер-

вом развороте. Салли скорчилась над книгами, которые минуту назад швырнула на пол. И в них тоже красовалось это имя – Нола.

Наверно, Салли надписала так книги шутки ради, а потом забыла. Нельзя же, в самом деле, все помнить!

За книгами, в глубине шкафа, обнаружилась коробочка с вибратором и рекламка нового крема для упругости кожи. Ну ладно – книги; а вибратор когда Салли успела купить? Еще она нашла два журнала «Плейгерл», свернутые в трубку. Салли открыла один журнал на середине, охнула, выронила. Что за гадость! Неужели и это она сама купила? Исключено; совершенно исключено. Салли никогда не стала бы разглядывать фото голых мужчин.

Ларри покупал и читал «Плейбой». Пялился на фото голых женщин. И на всякие прибамбасы, чтоб развлекаться «по полной программе». Вспомнить противно, что Салли была замужем за таким моральным уродом!

Она снова улеглась в постель, но спать не могла. Стоило ей задремать – перед глазами возникало море, только вместо манекенов Мерфи и Беллы снились близнецы, дрейфующие на волнах. Потом близнецов выносило на берег – облепленных водорослями, скрюченных, перекореженных морем.

Очнувшись в очередной раз от кошмара, Салли долго не могла прийти в себя. Пусть сейчас глухая ночь, надо позвонить бывшему мужу, узнать, здоровы ли дети. Она позвонила. Ларри ответил сонным и недовольным голосом.

– Извини, Ларри. Не сердись. Мне просто приснился дурной сон о наших детях. Будто они утонули.

– Пенни и Пэт в полном порядке.

– Можно мне с ними поговорить?

– Они давно спят. Ты в курсе, что сейчас два часа ночи?

– Я имею право поговорить со своими детьми.

– Твои права кончились, Салли.

– Ларри, пожалуйста, хотя бы сходи к ним, проверь, как они. У меня дурное предчувствие.

– Тоже мне новость – предчувствие твое... Ладно, схожу. Подожди на телефоне.

Салли ждала и прислушивалась. Там, в чужом доме, звенел чужой женский голос. Чужая женщина – Анна – спрашивала, кому это не спится.

А потом она сама взяла трубку.

– Ты что, не можешь оставить его в покое? Названиваешь днем и ночью. Мы из-за тебя рехнемся скоро. Не уймешься – обратимся в полицию.

– Кто названивает? Я названиваю? Да я несколько месяцев не звонила!

– Врешь. Ты нас подняла вчера среди ночи, и позавчера тоже. Чего тебе надо? Ты в уме вообще? То ты хочешь, чтоб Ларри к тебе вернулся, то грозишься его убить, и Пэта заодно... Судья говорит, если так будет продолжаться, он тебя навечно лишит права общаться с детьми.

– Нет! – взвыла Салли. – А ты сама – какое ты право имеешь на моих детей? Я их мать, Ларри – отец, а ты им чужая...

– Я, может, и чужая, зато адекватная. А вот по тебе психушка плачет. Не перестанешь лезть в нашу жизнь...

Послышался шепот Ларри:

– Успокойся, Анна. Она больной человек, с ней надо мягче...

– Пока ты с ней мягче, она нас обоих в гроб вгонит...

Они еще некоторое время препирались, наконец Ларри взял трубку.

– Дети спокойно спят, Салли, не волнуйся. Теперь послушай. Я понимаю, у тебя сейчас проблемы, и все такое. Но Анна права. Нехорошо звонить по ночам, беспокоить людей. Постарайся больше так не делать, Салли.

– Я только один раз позвонила, и то из-за дурного сна! Почему Анна говорит, будто я называю каждую ночь? Я все еще люблю тебя, Ларри.

– Что? Опять снова-здорово? Когда ты прекратишь эти свои манипуляции? Когда перестанешь лгать? За последний месяц ты нас три раза будила. Мало того, что ты домогаешься меня на работе, так тебе еще непременно надо звонить после двух ночи! Ты меня достала уже! Сколько можно? Чего ты добиваешься? Ты разрушила наш брак; ладно. Я начал новую жизнь, так ты и тут покоя не даешь. Больше года прошло, а тебе все нейдет! Когда ты только образумишься?

– Я лечусь, Ларри. У психиатра. Мне уже лучше. И у меня теперь постоянная работа. Я работаю официанткой. Скоро сама смогу себя обеспечивать, без твоих алиментов. Я не хотела тебя беспокоить, просто я все время думаю о тебе. Знаешь, как это тяжело? И я волнуюсь за детей.

– Зря волнуешься. Мы с Анной о них заботимся.

– Анна им не мать. Я их мать, и я – твоя жена.

– Салли, не начинай. Мы с тобой развелись. Теперь я женат на Анне. Она любит Пенни и Пэта как родных детей.

– Как родных? Быть не может! Потому что они ей не родные. Это мои дети, Ларри! Я их никому не отдам! Чем с мачехой жить, так лучше уж пусть...

Салли не договорила – перед ней снова возникли два маленьких утопленника. Что она несет? Что у нее за мысли такие?

– В смысле, я не то имела в виду. Прости, Ларри. Я только хочу, чтобы все было у нас с тобой, как раньше...

Раздался щелчок – Ларри повесил трубку.

Салли легла, завернулась в одеяло. Ладно, по крайней мере, дети живы и здоровы. Можно спокойно спать.

Тут-то я и вышла. А почему нет? Время для выхода не хуже, чем всякое другое. Мой мозг прокручивал сказанное нынче Роджером. Спать совсем не хотелось. Я оделась и пошла поговорить с Мерфи. Сейчас-то я понимаю: это дико звучит, нормальные люди не разговаривают с манекенами. Просто других собеседников у меня тогда не было. Конечно, появился Роджер, но с ним так, как с Мерфи, не потолкуешь. Не поймет. В конце концов, имею я право на собственного воображаемого друга?

Мерфи исправно нес службу в витрине – правая рука поднята, левая сжимает дубинку.

– Привет, Мерфи. Что-то мне не спится. Давай поговорим, – произнесла я и уселась на крыльце. – Как я тебя понимаю, Мерфи! Стоишь на посту ночь за ночью, смотришь, как другие идут развлекаться. Тебе нельзя – ты работаешь. Бдишь. Спорим, у тебя та же мечта, что у меня? Ты ведь мечтаешь, чтобы бог сделал тебя живым человеком, правда? Помнишь сказку про Пиноккио? Мне она всегда ужасно нравилась. Оскар читал ее Салли. Знаешь, Мерфи, чем там дело кончилось? Пиноккио стал человеком. Ты тоже можешь стать человеком. В мире, наверное, миллионы таких, как мы с тобой – воображаемых друзей, – которые хотят стать настоящими.

Мерфи молчал, но я и не ждала от него ответов. Достаточно было, что он меня слушал.

– Видишь ли, Мерфи, в чем проблема... Салли не верит Роджеру. Не знаю, хорошо это для нее будет или плохо, если она смирится с диагнозом, если поймет – мы тоже существуем? Роджер мне сказал, лечение не в том состоит, чтобы меня уничтожить. Думаю, он не лжет. Только вдруг он и сам точно не знает?

Мерфи слушал, по обыкновению, грустно улыбаясь.

– А вдруг Салли или Нола убьет себя? Что тогда будет со всеми нами? Я всегда считала, что после смерти тела души освобождаются, сколько бы их в теле ни было. Если тело Салли умрет, каждая из нас получит по заслугам. Кто-то отправится в ад, а кто-то – в рай. Вряд ли бог

пошлет меня на страдания за то, что натворили Джинкс и Белла. Мы-то с Салли – чистенькие. Мы заслуживаем места в раю. А ты как думаешь, Мерфи? Насчет Нолы? Я пока насчет Нолы не решила. Она в целом неплохая, вдобавок образованная. Однако не верит в бога. Поминает имя господи всуе и ужас что говорит о нашем правительстве. У нее всякие идеи – коммунизм во всем мире, а может, и кое-что похлеще. Например, Нола – она за поправку о равных правах⁹, представляешь? Когда она про эту поправку думает, я готова с ней согласиться. Потому что я тоже считаю, все должны быть свободными и равными. Но когда вмешивается Белла, когда начинает объяснять: мол, лучше оставить все как есть, потому что женщины умеют управлять мужчинами исподволь, – тогда я соглашаюсь с Беллой, тогда мне кажется, что Нола ошибается. А еще Нола хочет легализовать аборт. Разве таких, как она, пускают в рай? По-моему, нет. Не то чтобы Нола сильно нагрешила – подумаешь, пару-тройку книжек стырила, – но у нее вредные идеи. Как считаешь, Мерфи, можно угодить в ад за одни вредные идеи, без поступков, а? Например, самоубийство – это же грех, так? А если оно не удалось, значит, и греха не было?

Я отлично представляла, как именно ответил бы Мерфи, если б только мог. Что не знает и что это знать вообще никому не дано.

– Иногда, Мерфи, я думаю про нашу компашку, которую Роджер называет множественной личностью, и мне кажется, если бы одна из нас умерла и отправилась без разницы куда, в ад или в рай, прочие остались бы жить. Тогда я узнала бы, что происходит после смерти, прямиком от очевидца... Занятно было бы, правда?

Я чувствовала, что Мерфи со мной полностью согласен.

– Скажи, Мерфи, разве я не достойна быть живой, настоящей? По-моему, еще как достойна.

Я проговорила с Мерфи до четырех утра. Под конец разговор уже велся силой мысли, я почти умоляла Мерфи помочь мне.

Он благословил меня своей воздетой правой рукой, и мне полегчало. По ходу беседы я в себе много чего открыла, правда-правда. Появилась надежда: даже когда Салли смиритесь с диагнозом, в ее мире найдется местечко и для Дерри.

* * *

На следующее утро Салли проснулась с чувством стыда – зачем только она звонила бывшему мужу! Сначала она хотела снова позвонить и извиниться, но рассудила, что только взбесит этим Ларри. Определившись насчет звонка, Салли стала прикидывать, что бы надеть. Почему-то все вещи в платяном шкафу казались никуда не годными. Она решила, что пора обновить гардероб.

И поехала на метро в «Хортонз». До самой Тридцать четвертой улицы сидела вся напряженная. Конечно – начиталась про нападения в поездах подземки. В каждом мужчине, особенно в молодом, Салли мерещился преступник. Однако больше всего ее пугали подростки. Вот-вот подскочит какой-нибудь юный наркоман и вырвет сумочку, чтобы наскрести на дозу. Определенно, Нью-Йорк стал кошмарным местом.

Салли вздохнула с облегчением, лишь переступив порог торгового центра. Здесь она бывала частенько, здесь все было почти родное. И все-таки Салли несла сумку именно так, как рекомендовано во всяких памятках, выпускаемых властями, – продев руку в ремешок, плотно прижав к боку.

Она купила два платья, брюки и купальник. Еще совсем недавно Салли ни за что бы не выбрала эти вещи – слишком «молодежные», слишком «дерзкие», на ее прежний вкус. Денег

⁹ Предлагаемая 27-я поправка к Конституции США, предусматривающая полный отказ от признаков пола как основы для принятия решений штатами.

осталось ровно на дорогу домой. Салли решила, что пора бы ей уже завести в «Хортонз» кредитку.

Ступив на эскалатор, она заметила: за ней следит прыщавый тип в джинсах и бежевой ветровке. Салли сошла на втором этаже, хотя ей нужно было вниз, и направилась к лифту. Мужчина заскочил в лифт за ней, держа руки в карманах. Салли вжалась в стену. В затылке нарастала привычная боль. Салли дождется, пока подозрительный тип выйдет, и только тогда нажмет кнопку нужного ей этажа. Лифт приехал на самый верх. Мужчина и не думал выходить. Головная боль чуть отпустила, но зато Салли прошиб мерзкий холодный пот...

Из лифта вышла Нола. На миг задумалась: а что она, собственно, делает в «Хортонз»?

С неудачной попытки утопления Нола впервые вышла из тени. Ей помнился дождь, сырой песок между пальцев, трое под настилом. Надо будет расспросить Дерри, что же там такое случилось.

Нола заглянула в сумку, обнаружила купальник весьма смелого фасона. Уж конечно, Салли не могла такое купить. Это или Белла, или Дерри. Затем Нола прикинула: раз уж она попала в торговый центр, почему бы не пополнить запасы красок и кистей? Увы, в кошельке обнаружилось только полтора доллара. Даже на такси до дома не хватит. И чековой книжки при себе нет.

Нола здорово разозлилась на ту, что затащила ее в торговый центр без наличных и чековой книжки. Потом взяла себя в руки, вошла в отдел художественных принадлежностей, дождалась, пока продавщица отвернется, и прихватила три больших тюбика масляных красок и две кисточки. Все было проделано с привычной ловкостью.

Уверенная, что за ней не следят, Нола шагнула на эскалатор и только тут заметила прямо за спиной прыщавого типа в джинсах и бежевой ветровке. Ну, если он интересуется кошельком Нолы, его ждет большое разочарование.

Нола уже собиралась выйти из торгового центра, когда прыщавый взял ее за локоть.

– Я – представитель охраны. Извольте пройти со мной.

– Это на каком же основании?

– Пройдемте со мной. Нужно кое-что прояснить.

– Чем докажете свой статус? Может, вы – карманник. Предъявите удостоверение.

Нола еще надеялась замять дело.

– Вот, пожалуйста. – Прыщавый достал из бумажника удостоверение. – Читайте: «Частное охранное предприятие». Довольны?

Когда прыщавый доставал бумажник, из-под ветровки на мгновение мелькнула кобура.

– Я ничего плохого не сделала, сэр.

– Тогда вам нечего бояться, – резонно заметил прыщавый.

Ноле пришлось пойти с ним.

– Скоро с вами свяжется мой адвокат, – пригрозила она. – Я вас научу, как без повода арестовывать клиентов.

Прыщавый подвел ее к лифту с табличкой «Только для персонала».

– Сейчас, мисс, мы проедем в директорский кабинет. Впрочем, если вас это не устраивает, мы можем...

– Что мы можем?

– Спуститься на нулевой этаж. Там есть подсобка, в которой я время от времени отдыхаю.

Ключи – только у меня...

– И дальше что?

– Дальше, если вы будете ласковы со мной, я замну ваше дело.

– И не отберете товар?

– Конечно, нет! – усмехнулся прыщавый. – Не мне же за него платить!

Нола сама нажала кнопку нулевого этажа, рассчитывая выиграть время.

Прыщавый по-хозяйски положил ладонь ей на ягодицы, принялся мять и щупать.

– А ты красотка, – хрипло шепнул он.

– Знаю, – ответила Нола. – А еще я – в твоём вкусе, верно?

Лифт остановился, дверь открылась. Прыщавый повел Нолу между картонных коробок, прямо в заявленную подсобку. Кругом не было ни души. Нола сникла. Выхода из ситуации она не видела. Прыщавый схватил ее за грудь. Нолу затрясло.

– Я смотрю, тебе тоже этого хочется, киса, – ухмыльнулся прыщавый. – Чуть ли не больше, чем мне. – Он расстегнул «молнию» на джинсах. Нола отвернулась и закрыла глаза.

* * *

Едва какой-то прыщавый тип сцапал Джинкс, она отпихнула его изо всех сил.

– Руки убери, урод! Убери, говорю!

Голос был совсем другой, и это озадачило прыщавого. Он свалил дурака – схватил женщину за предплечье. Она применила к нему прием дзюдо, и через миг он уже валялся на бетонном полу. А женщина, точно дикая кошка, прыгнула ему на грудь, коленом придавила мошонку и принялась душить.

– Я тебя прикончу, ублюдок! Так и знай, тебе кранты!

Она обладала нечеловеческой силой. У парня глаза вылезли из орбит. Женщина нащупала пистолет у него на груди и мигом им овладела, прошипев: «А вот это кстати!»

Затем приставила дуло к виску парня, и тот от ужаса лишился чувств.

– Будешь знать, козел, как домогаться приличных женщин!

Бесчувственное тело она задвинула в угол, придала ему позу спящего, а пистолет отправила в сумочку. Закрыла дверь подсобки и долго блуждала среди коробок, пока не обнаружила лифт для персонала. Вошла, нажала кнопку первого этажа и поспешно покинула торговый центр через ту дверь, что вела на Седьмую авеню.

На метро Джинкс добралась до дома. Вытрясла сумку, скривилась при виде одежды, красок и кистей. С удовольствием убедилась, что револьвер тридцать восьмого калибра полностью заряжен. Надо спрятать его понадежнее, чтобы остальные не нашли. ... Джинкс поместила револьвер в целлофановый пакет, дождалась темноты, добыла лопату и через черный ход проникла на задний двор. Удостоверилась, что за ней не следят, вырыла яму в правом углу двора, спрятала револьвер и забросала это место сорной травой.

Довольная, вернулась в квартиру, легла на диван и мгновенно заснула.

Проснувшись поздним утром, Салли долго пыталась вспомнить, где была и что делала накануне. Память подсовывала лифт в торговом центре «Хортонз» и страх, как бы прыщавый парень в джинсах не украл ее сумочку. Но это было почти сутки назад. Что произошло в промежутке? Руки выпачканы землей. Почему они грязные и почему Салли их не вымыла, прежде чем ложиться спать?

Она принялась искать сумку с покупками. К ее облегчению, сумка обнаружилась в шкафу. Салли достала новую одежду, аккуратно повесила на плечики. Заметила две кисточки и три тюбика с масляными красками – желтой, кобальтом и синей жженой. Откуда они взялись? Чеки за платья, брюки и купальник присутствовали, чеков за кисти и краски не было. Возможно ли такое? Если Салли купила краски и по рассеянности забыла об этом, должны быть чеки. А раз чеков нет, значит...

Салли не позволила себе облечь догадку в слова.

Она приняла душ и надела старое платье с цветочным принтом. Кое-как позавтракала, не переставая думать о красках и прочем. Головоломка не складывалась. Вот так стараешься изо всех сил, а толку никакого. Провалы глубже, чем когда-либо. Салли что-то делает, куда-то ходит – и ничегошеньки не помнит. Если доктор Эш в ближайшее время не найдет при-

чину расстройства, Салли загремит прямехонько в дурдом. По дороге на автобусную остановку она купила «Дейли Ньюс» и прочла статью о нападении на сотрудника охраны торгового центра «Хортонз». Статья занимала целый разворот, Салли долго смотрела на фото прыщавого охранника.

Он заявил, что подвергся нападению магазинной воровки, похитившей кисти и краски. Воровка держала в руках большую красную сумку и пакет для покупок с символикой «Хортонз». Салли запаниковала. Прыщавый описал ее очень точно: темная шатенка среднего роста с испуганным лицом. Этот-то испуг и навел охранника на подозрения. Дальше шли факты, которые не лезли ни в какие ворота: испуганная шатенка якобы превратилась в бешеную дикую кошку, чуть не задушила парня и забрала его оружие. Салли затрясло. Надо все как следует обмозговать. Нет, надо ехать на работу. Она потом про это подумает.

Хорошо, что сегодня дежурит Тодд. Салли совсем не улыбались расспросы Элиота о свидании и тем более его щипки на кухне. Однако и Тодд смотрел как-то подозрительно. Несколько раз порывался что-то спросить, но отворачивался, интенсивно жуя неизменную зубочистку. Он что – тоже читал статью в «Дейли Ньюс»? И догадался, что речь идет о Салли?

Было время ланча, когда посетителей мало. Я решила, Салли и сама справится. Она действительно почти не напортачила, и никто ее не кадрил, так что мне удалось отдохнуть.

Выходя из ресторана, Салли не заметила, что за ней следит Тодд. Из головы не шли прыщавый охранник и похищенный револьвер. В мозгу кто-то отчетливо произнес слово «церковь». Честное слово – не я и никто из наших. Бывает, людям в голову лезут всякие такие мысли, хотя даже мне послышался некий голос. Пока Салли ждала, чтобы на светофоре загорелся зеленый, я снова заметила Тодда. Он стоял на противоположной стороне улицы. Салли его не видела. От нашего ресторана до собора Святого Михаила всего два квартала. Салли, помня, что говорил доктор Эш насчет внутренних голосов, сняла с шеи кашне, покрыла им голову и вошла в церковь.

Полумрак заставил ее вздрогнуть. После дневного света она в первые секунды ничего не видела. Исповедальни показались телефонными будками. Салли представила, как сейчас войдет в такую будку, закажет «межгород» с богом и спросит, почему в ее мозг все время поступают странные сигналы и почему связь то и дело прерывается. Но разве на небесах есть телефоны? А если есть, то какой там код? И можно ли позвонить богу напрямую или сначала нужно пробиться через секретаря? И вообще, едва ли его номер включен в телефонную книгу.

Для начала нужно вспомнить свои грехи. Она напрягала мозг, но не вспомнила ни единого. Так не бывает. Не может человек вовсе не иметь грехов. Не далее как утром Салли читала о магазинной воровке, однако и сердце, и разум молчали. С другой стороны, если Салли безгрешна, почему ей так тяжело? Почему она чувствует себя беспомощной? Неужели можно натворить столько ужасных вещей и напрочь забыть об этом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.